

Г. Н. МОИСЕЕВА

Гистория о российском матросе Василии Кириацком

(К вопросу о составе и происхождении повести)

Среди немногих образцов повествовательной литературы, несомненно относящихся к петровскому времени, видное место занимает „Гистория о российском матросе Василии Кириацком и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“.¹

Первый исследователь ее Л. Н. Майков в своей работе, посвященной повестям петровской эпохи,² особо остановился на повести о матросе Василии, отметив близкую связь ее с действительностью. Однако основу повести Л. Н. Майков считал переводной. А. Н. Пыпин в предисловии к изданию „Гистории о знатного роду гишпанском шляхтиче Долторне“,³ указал на эту повесть как на несомненный источник русской повести о матросе Василии. Так порочная теория заимствования лишала исследователей возможности понять процесс создания повести.

В советском литературоведении вопрос об изучении повестей петровской эпохи и, в частности, „Гистории“ о матросе Василии был поставлен в работе Н. К. Пиксанова „Старорусская повесть“.⁴ Н. К. Пиксанов указал на важность литературного анализа повести о матросе Василии и выдвинул ряд конкретных задач в ее изучении, отметив необходимость пересмотра вопроса об отношении „Гистории“ о матросе Василии к „Гистории о знатного роду шляхтиче Долторне“, связанного с определением степени оригинальности петровской повести.

Задача настоящей статьи — показать историческую основу повести о „российском матросе Василии Кириацком“ и определить ее родство с устным народным творчеством.

„Гистория о российском матросе Василии Кириацком“ отчетливо распадается на две части: первая — с начала повести до отъезда Васи-

---

¹ Текстологическое изучение семи сохранившихся списков повести показывает, что в большинстве списков [ГИМ, № 1283; ГИМ, собрание Щукина, № 254; ГИПБ, Q. XV. 110; Калининский областной музей, № 862 (6)] фамилия героя читается — Кириатский, Кириацкий. Два списка (ГБЛ, № 1258 и БАН, 32. 2. 13) не имеют начала повести, где упоминается фамилия героя. Первые издатели повести Л. Н. Майков и Б. И. Дунаев в основу издания взяли список Забелина № 229 (ГИМ), где матрос Василий носит чуждую русскому языку фамилию — Кариотский. Можно полагать, что первоначальная форма — производное от русского имени Кирьяк: Кирьяцкий, Кириацкий.

² Л. Н. Майков. Неизвестная русская повесть петровского времени. СПб., 1880.

³ Памятники древней письменности, т. XIV, СПб., 1887.

⁴ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923.

лия из Голландии в Россию; вторая — с описания бури на море и кораблекрушения до конца повествования.

Несомненным доказательством того, что эти части — разного происхождения, служит противоречие в обрисовке образа героя. В первой части сын бедного дворянина, русский матрос Василий показан как любящий сын, который помогает из своего жалования отцу, скучает по нем во время пребывания на чужбине, в Голландии, настойчиво добивается возможности возвратиться на родину, несмотря на обещание голландского купца, у которого он жил, его „во всем, яко родного сына наследником учинить“. Во второй части повести Василий ни разу не вспоминает об отце и не помышляет вернуться в Россию.

По-разному в двух частях повести называются и монеты: в первой части везде упоминается „ефимок“ — денежная монета, бывшая в ходу в России с конца XVII и до половины XVIII века; во второй части повести употребляется иное название монет — „червонец“.

Первая часть повести, рассказывающая о пребывании матроса Василия в Голландии, оканчивается описанием бури на море и кораблекрушения, после которого Василий на корабельной доске приплывает к неизвестному ему острову. В содержании этой части „Истории о российском матросе Василии Кириацком“¹ можно отметить ряд реалий, непосредственно связанных с петровской эпохой.

Жалование, на которое рассчитывал Василий Кириацкий, поступая служить во флот, было установлено Петром I как постоянная оплата „содержания и обучения“ матросов.

По „Истории“, Василия Кириацкого отослали „на корабль по определению“. „По определению“ — устойчивая формула документов начала XVIII века, часто встречающаяся в „Уставе морском“.² Герой „Истории“ „на корабле пребываше жестко, по обычаю матросскому“. „Жесткий“ обычай морской службы начала XVIII века подтверждается уже упомянутым „Уставом морским“ и „Артикулом правды морской“. За малейшее нарушение установленных правил, за всякую провинность полагалось жестокое телесное наказание: „провождение под корабль“, „посажение в железа на две недели“, „биение кошками при маште“, „биение от всех корабельных людей“ и др.

В „Истории“ рассказано, что Петр I³ „указал маршировать и набирать младших матросов за моря в Голандию для наук арифметических и разных языков“.⁴ „Разбор“ по возрасту при посылке за границу имел место в исторической действительности начала XVIII века. В воспоминаниях В. В. Головина, посланного в Голландию в 1712 году, читаем: „Мая в последних числах был нам всем смотр, а смотрел сам его царское величество и изволили определить нас по разбору на трое: первые, которые летами постарее, в службу, в солдаты, средних

¹ Исследование повести будет произведено по списку Забелина № 229 (ГИМ), взятому в основу при издании Л. Н. Майкова. Этот список сохраняет большое количество реалий петровской эпохи и наиболее полно передает первоначальный текст этой повести. Цитация будет производиться по изданию 1880 года.

² „Комисару как в деньгах, мундире, так и в раздаче пищи убавки никакой не чинить, но все раздавать исправно по определению“. Книга Устав морской, СПб., 1720, стр. 103.

³ В старейшем (60-е годы XVIII века) из сохранившихся списков „Истории“, Забелинским № 229 (ГИМ), и в списке ГИМ, собрание Щукина, № 256 форма глагола — „указал“ — подчеркивает, что указал Петр I. В позднейших списках эта определенность была заменена пересказом события. В списке ГИМ, № 1283 и списке ГПБ, Q. XV. 110 — „случися на кораблях матроза указом отбирать“.

⁴ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 3.

в Голландию для морской навигацкой науки, а самых малолетних в Ревель в науку“.¹ Из записок В. А. Нащокина, относящихся к 1717 году, узнаем: „Его величество трудиться изволил, разбирая дворянство: годных определяя к делам... Тогдажь недорослей, по силе указа, не малое число явилось, определены были в разные службы“.²

По „Гистории“, отобранных матросов посылают „за моря в Голандию для наук арихметических и разных языков“. В цитированных выше воспоминаниях В. В. Головина находим подтверждение тому, что основная масса посланных за границу находилась именно в Голландии: „В Саардами и во Роттердаме (Голландия, — Г. М.) учились мы языку голландскому и арифметике, и навигации“.³

Известно, что Петр I прежде всего посылал учиться арифметике — науке, связанной с кораблестроением. В предисловии к „Морскому регламенту“ Петр I ясно указывает цель посылок: „Дабы те вечно утвердились в России, умыслил государь искусства дела того ввести в народ свой и того ради многое число благородных послал в Голландию и в иные государства учиться архитектуры и управления корабельного“.⁴

В числе посланных за границу были люди, выдвинувшиеся из народа, — „простые“ люди. В записках Б. И. Куракина читаем: „По приезде его величества в Голандию и в Англию простого народу матросскому делу учитьца с триста человек, которые путь свой брали за море лет по пяти и назат возвращались. И так доньне в том континуация идет и положено по несколько человек отправлять по вся годы, так же много учатца инструментам математическим и математике“.⁵

„По отбытии ис Кранштата...прибыли в Голандию матросы... В Голандии учинили им квартиры и поставлены были все младшие матросы по домам купецким...равно штатами“, читаем в „Гистории“.

Из записок современников, например из „Дневника“ И. Л. Нарышкина (1714—1720), известно, что русские во время пребывания за границей останавливались у купцов — „торговых людей“.⁶

В „Гистории“ о матросе Василии отправка матросов описана так: „Как урочный термин пришел, чтоб ученикам матросам маршировать в Санктпетербурх в Россию, то все матросы поехали“.⁷ „Урочный термин“ — установленное время, срок — выражение, часто употребляющееся в начале XVIII века.⁸

Хотя направлявшиеся за границу на обучение должны были через указанный срок возвращаться, но были случаи, когда они задерживались, подобно матросу Василию — герою „Гистории“. Так, например, князь Александр Прозоровский „не возвратился во отечество и во многих местах по Европе ездил“.⁹

¹ П. Пекарский. Наука и литература при Петре В., т. 1. СПб., 1862, стр. 142.

² Там же, стр. 142.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ С. Ф. Платонов. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский. Доклады АН СССР, сер. В, 1929, стр. 237.

⁶ Рукопись ГПБ, Архив Бильбасова, № 9, л. 3 об.

⁷ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 4.

⁸ „Дают на того холопа служебные кабалы и на урочные годы записи тех людей“ (Картотека Исторического словаря АН СССР, 1710). „Его царское величество по получении такой счастливой виктории против короля шведского мыслит, как бы и на предки силу его тако обуздать, дабы в прежних и надлежащих своих терминах мог быть содержан“ (там же, 1709).

⁹ С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 234.

Василий Кириацкий посылает отцу „через вексель четыре тысячи ефимков золотых двурублевых“.

Вексельные операции были введены при Петре I и поощрялись им. О популярности их в начале XVIII века можно судить по „Отпискам“ Д. М. Голицына: „В нынешнем, государь, 1705 году, апреля в 21 день прислана ко мне ваша государева грамота и приказ военных дел. А в той вашей государевой грамоте писано: посланы ко мне, холопу вашему, вексели через иноземца Болвина Томосова“.¹ „Говорил мне, холопу вашему, генерал Паткуль... что ваша государева казна денежная послана со мною, холопом вашим, и та казна денежная вся в расходе, а посланные вексели на вашу государеву денежную казну, те вексели ко мне не присланы“.²

При сравнении приведенных материалов с первой частью „Истории“ отчетливо выступает характерная черта повести: ее живейшая, непосредственная связь с исторической действительностью начала XVIII века, с типичными чертами быта этого времени. Тема повести — добровольное поступление во флот незнатного дворянина — была выдвинута временем, когда русское государство вышло на берега Балтийского моря и стало великой морской державой. Строящийся русский флот потребовал большого количества технически обученных людей, постоянного состава матросов. Реакционная часть дворянства, стоявшая в оппозиции к деятельности Петра I, особенно противилась выполнению правительственных указов, назначавших смотр молодежи, на которых отбирались юноши для службы во флоте и армии. Со стороны правительства потребовались строгие меры взыскания, чтобы принудить дворян отпускать сыновей на службу. Документы первой четверти XVIII века сохранили свидетельства об этой борьбе. В указах Петра I читаем: „Тогдаж приехали из Москвы в Петербург сенаторы и предложили его величеству, что по указу, данному им в 1711 году, дворян молодых и как кроются от службы, по многим объявительным указам собрать всех не могут. Того дня сентября в 26 день выдан новый указ, дабы все дворяне сами и их дети и сродники, которые от 10 до 30 лет возраст имеют, явились в наступающую зиму на смотр нарочно к тому определенному сенатскому члену: а буде кто сей указ преслушает и до марта месяца 1714 году не явится и кто на такого известит, тому все пожитки укрывающегося и деревни отданы будут, какова б доноситель чина не был, хотя слуга укрывающагося“.³

Несмотря на крутую расправу многие дворяне даже под страхом разорения не являлись на смотры. Уже перед самой смертью, 27 января 1725 года, Петр I „дал повеление сенату отпустить вину всех дворян, не явившихся на смотр“.⁴

В обстановке упорного сопротивления части дворянства отбыванию воинской службы, решение „небольшого“ (незнатного) дворянина Василия Кириацкого по собственному побуждению идти служить во флот характеризует его как передового человека своего времени, с гордостью носящего звание „российского матроса“.

Вторая часть „Истории“, начинающаяся описанием бури на море и кораблекрушения, почти не содержит реалий петровской эпохи и построена по типу сказок о приключениях.

¹ Отписки Д. М. Голицына. Рукопись ГПБ, Ф. IV. 865, лл. 192 об. — 193.

² Там же, л. 193.

³ Указы императора Петра В. Рукопись ГПБ, Ф. IV. 8, л. 181.

⁴ Там же, л. 194 об.

Следует, однако, обратить внимание на то, что автор сумел сохранить связь между этими двумя заметно различающимися частями своего повествования. Его герой, хотя и лишенный во второй части „Гистории“ конкретных черт человека петровской эпохи, остается умным, смелым и находчивым „российским матросом“, честным даже среди разбойников, верным в любви. Один из мотивов первой части „Гистории“ умело развит и использован во втором разделе: собираясь возвращаться на родину, Василий зашивает нажитые деньги в клинья кафтана „для всякой приключаящейся [нужды]“. Эти деньги затем, во время пребывания Василия у разбойников, дают ему возможность выдавать себя за удачливого грабителя, он показывает их по частям, возвращаясь якобы после успешного грабежа. Так вторая, сказочная, часть „Гистории“ своеобразно продолжает первую — бытовую.

Именно эту вторую часть повести ее первые исследователи — Л. Н. Майков¹ и А. Н. Пыпин² — самым решительным образом объяснили подражанием переводному образцу „Гистории о знатного роду гишпанском шляхтиче Долторне“. Наиболее подробно пытался обосновать такую точку зрения А. Н. Пыпин. По его мнению, Василий — мниморусский герой; кроме названия „российский матрос“, русского в нем нет ничего; русский автор не смог бы без переводного образца сделать простого матроса „флоренским“ королем, „братцем“ цесаря („было бы слишком бесцеремонной выдумкой сделать российского матроса, хотя бы и самого «острого», «братцем» цесарю и флоренским королем“³); мотивы истории о матросе Василии в том же сочетании встречаются будто бы только в „Гистории“ о Долторне.

Настаивая на прямой связи „Гистории“ о матросе Василии с „Гисторией“ о Долторне, Л. Н. Майков и А. Н. Пыпин отрицали ее родство с русской народной сказкой. Между тем, именно русские сказки приключенческого типа дают богатейший материал для сопоставления со второй частью „Гистории“ о матросе Василии, начиная со встречи его с разбойниками.

Переход от бытовой повести о путешествии матроса Василия в Западную Европу, полной реалией петровского времени, к сказочной сделан в „Гистории“ с помощью описания бури и кораблекрушения, типичного мотива авантюрных „гисторий“ конца XVII—XVIII веков. Но приключения, которые переживает матрос, попавший на неизвестный остров, описаны по схеме, обычной для целого ряда русских народных сказок.

Сюжет второй части „Гистории“ о матросе Василии разворачивается так: занесенный бурей на остров, Василий попадает к разбойникам; за „острый ум“ его против желания выбирают атаманом; на острове Василий спасает королеву, но теряет ее, так как обманом ее увозят на корабле; он встречается снова с королевой, когда ее насильно выдают замуж; Василий разоблачает обманщика-жениха, благополучно женится на королеве и наследует королевство.

Весь этот комплекс отдельных эпизодов повести, составляющих сюжет второй части „Гистории“, встречается в ряде народных сказок: „Освобождение царской дочери солдатом“⁴, „Служил солдат 25 лет“⁵,

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 23.

² Памятники древней письменности, т. XIV, СПб., 1887, стр. I.

³ Там же, стр. VI.

⁴ М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1928, стр. 52—60.

⁵ Сказки И. Д. Богатырева. Запись Д. М. Молдавского и В. С. Бахтина (1945. Псковская обл.). Архив фольклорного кабинета Ленинградского Государственного университета.

„Иван Туртыгин“,¹ „Солдат спасает царскую дочь от змея“.² В еще большем количестве сказок развиваются отдельные части этого сюжета. Таким образом, фактический материал опровергает утверждение А. Н. Пыпина, будто лишь в переводной повести о Долторне можно найти то же сочетание мотивов, какое дает „Гистория“ о матросе Василии, и вывод Л. Н. Майкова о том, что „основа повести не коренится в старых преданиях собственно русского эпоса“.³

Как бы различно не строилась в сказке завязка действия, в дальнейшем приключения попавшего на остров и нашедшего там царевну героя развиваются весьма сходно с „Гисторией“ о матросе Василии, но в литературной обработке сказочного сюжета отдельные поступки героев более мотивированы, их настроения описаны подробнее.

Приведем несколько примеров, из которых станет ясно, насколько близко воспроизводил самую манеру сказочного изложения автор „Гистории“ о матросе Василии, изображая приключения своего героя.

Герой находит на острове героиню и спасает ее

В „Гистории“ о матросе Василии. Отдав Василию ключи и казну, разбойники запретили ему ходить в „заповедный чулан“: „Изволь ключи принять, а без нас во оный чулан не ходить, а ежели без нас станешь ходить, а сведаем, то тебе живу не быти“.⁴

В сказке „Три царь-девицы“: „Дедушко приносит ему двенадцать ключей и говорит: «Вот, Ванюша, в одиннадцать комнат ходи, как хош, а в двенадцету и сам не попадешь»“.⁵

В сказке „Шут“: „И приносит ему он двенадцеть ключей: «Вот, Ваня, ходи в одиннадцать, а в двенадцету не ходи, котора в темном углу, лыком завязана, навозом запечатана. Если вернусь, узнаю, што ходил, убью тебя»“.⁶

В „Гистории“ о матросе Василии: Однажды, когда разбойники ушли на добычу, Василий „думал сам, что у них в чулане имеется, понеже всю сумму сдали, а в этот чулан ходить не велели“.⁷ „И осмеллся отпереть чулан и дверь отворить и виде девицу зело прекрасну, в златом одеянии королевском одету, яко тоя красоты во всем свете сказать невозможно“.⁸ „Василий, став на коленки, рече: «Государыня, прекрасная девица королевна, ты роду какова и како сими разбойниками взята!»“.⁹

В сказке „Освобождение царской дочери солдатом“: Герой имеет два золотых ключа. „Потом, как этих золотых ключа нашел, и умствует себе: «от чаво-нибить да есь ети ключи». И стал по стенам оцунтывать аклейку и нашел потайную дверь. Тогда заходит в ету дверь; комната убрана всякими драгоценностями, там ишшо дверь отворил сидит в етой комнате ета сама царевна. Комната вся у ей золотом убрана“.¹⁰

¹ Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 948.

² Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской области. Пгр., 1914, стр. 443—444.

³ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 23.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Сказки Карельского Беломорья, т. 1, кн. 1. Петрозаводск, 1939, стр. 8.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 56.

Таким же образом находит царевну солдат в сказке „Служил солдат 25 лет“,¹ Иван Туртыгин — в сказке „Иван Туртыгин“:² „Тогда он взял ключи, пошел в темницу, где она, отворил, нашел царевну“.³

Попадание героини на остров

В „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“ Ираклия рассказывает: „Токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года пришли морем в наша государства... кораблями российских купцы и я в то время гуляла з девицами в шлупках и смотрела российских товаров и всяких диковинок. И как мы на шлупках от кораблей поплыли, то оныя разбойники набежали в буерах... девиц в море побросали, а меня единую в сей остров уведоша и держат по сие время“.⁴

В сказке „Не-мал человек“: „Вот не в котором чарствии, не в котором государстви был жил царь, у него была одна дочь. И вот он ее берег, конешно, и не отпускал никуда одну гулять, штобы никуда не делась. А потом вдруг приходит параходик, которых еще не было в чарствии. И когда приплыл к чарстви, то был такой красивый, што многие ходили интересовались. И пришлось чарьской дочери пойти со своими нянюшками смотреть этот параходик. И вот только она на параход зашла, то параход полетел стремлой в море и скрылся из виду“.⁵

В сказке „Освобождение царской дочери солдатом“: У царя была одна дочь. „В одно время она с нянюшками с мамушками пашла на корабельную пристань прогуливатда. Не откуль прибежал на ету присталь антиресный карап. Завет она нянюшкох своих. Только как она в карап зашла, не успели ети нянюшки туды зайти, вдруг буря и етот карап на дно ушол“.⁶ В действительности же разбойники увезли царевну.

Таким образом, героиня — всегда единственная дочь у царя. Ее похищают на корабле разбойники.

Василий спасает королеву Ираклию. Оба бегут с разбойничьего острова

Рассказ о спасении царевны-королевы встречаем в сказках: „Служил солдат 25 лет“, „Освобождение царской дочери солдатом“, „Солдат спасает царскую дочь от змея“, „Иван Туртыгин“.

В „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“: Матрос попадает с королевной Ираклией в Цесарию. Благодаря уму и благородству он становится „названным братом цесарю“. Из Флоренции — родины героини — приезжает адмирал, посланный на поиски королевы Ираклии. Он обманом завлекает Василия и Ираклию на корабль, спаивает верных им людей, Василия выбрасывают в море, а Ираклию адмирал понуждает поклясться, что она назовет отцу своим спасителем адмирала, в противном случае угрожает ей смертью.

„Тогда офицеры, взяв Василия из корабля и помня прежнюю ево к себе милость, взяв положили в малую лотку и спустили на море

¹ Сказки И. Д. Богатырева, стр. 39.

² Д. Н. Садовников, ук. соч. стр. 21.

³ Там же.

⁴ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 9.

⁵ Сказки Карельского Беломорья, т. I, кн. II, стр. 253.

⁶ М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 58.

шляпу ево... с корабля бросили. Королева же, видя сие... нещастие, паде обмерла от великой ужести. И тогда адмирал вынев из ножен свою шпагу и с пристрастием рече: «Ежели станешь плакать, сей час главу твою отсеку», и приведе ея к присяге, что отцу ея и матере о том своем нещастии не сказывать, а сказала бы, яко с Цесарии боем взяла, и она, страху ради, дала присягу».¹

В сказке „Освобождение царской дочери“: „На карась зашли, капитан и все удивилися, что мог он разыскать царскую дочь. А капитан планты сплантовал, што он в шибком месте будто потонул, а царевну, мол, я сыскал. «Как ты меня не скажешь, что я сыскал тебя, утоплю в море». Царевна решила на это сказать, а сердцем ей жаль ево, этово трапорщика».²

В сказке „Не-мал человек“: „Капитан когда пошел, то сказал этой красавици: «Если ты не скажешь, што я тебя спас, то мы тебя в воду бросим». Она сказала: «Хорошо»».³

Как ни значительна в приведенных примерах разница самого изложения „Гистории“ и сказок, совершенно очевидно, что автору „Гистории“ хорошо знакомо было типично сказочное движение действия: запрещение открывать одну из комнат, нарушение героем запрета, скрывание в „заповедном чулане“ героини, похищение царевны обманом на корабле, угроза обманщика и т. д.

Однако сходство „Гистории“ со сказкой не ограничивается воспроизведением этой сказочной схемы. Самая трактовка образа матроса Василия во второй части „Гистории“ напоминает сказочные характеристики смелых и находчивых героев. „Острый“, удачливый „российский матрос“ в опасной обстановке не прочь схитрить: он внушает разбойникам, будто оружие его заговором сделалось неуязвимым, выдает сам себя за разбойника. Но Василий смел и благороден, не подозревает козней врагов. Василий в конце „Гистории“ вознагражден за свою честность и бескорыстие — он женится на королевне и наследует царство, подобно тому как в сказке простой человек (солдат) женится на царской дочери и становится царем. Это не „бесцеремонная выдумка“, как полагал А. Н. Пыпин, а восстановление законной справедливости, типичное для русской сказки.

Предположить обратное влияние „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“ на русскую народную сказку трудно. Сближающиеся с „Гисторией“ сказки записаны в географически разбросанных точках, и в Сибири (М. К. Азадовский), и в Самаре (Л. П. Садовников), и в Перми (Д. К. Зеленин), и в Псковской области (И. Д. Богатырев), и на Севере (М. М. Коргуев).

При переработке „Гистории“ в сказку естественно должно было что-либо сохраниться от первой части (несмотря на то, что она перестала интересовать читателя). Должна была бы упоминаться хотя бы профессия героя — матрос — или пребывание его во флоте. Так начисто отпасть первая часть не могла. Поэтому более убедительным представляется вывод о фольклорной основе второй части „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“.

„Российский матрос“ Василий несомненно гораздо ближе к незнанным героям русских сказок, совершающим подвиги и получающим за

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 17—18.

² М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 58—59.

³ Сказки Карельского Беломорья, т. I, кн. II, стр. 256.

них награду, чем к „гишпанскому знатного рода шляхтичу Долторну“, в котором пытались усмотреть его прообраз.

Матрос Василий — сын пришедшего „в великую скудость“ небольшого дворянина, поступает во флот простым матросом, надеясь своим жалованьем помогать отцу. О своем незнатном происхождении Василий предупреждает и королеву Ираклию, и цесаря. „Российский матрос“ этой чертой своего поведения напоминает о времени, когда Петр I выдвигал умных и талантливых людей, не считаясь с их происхождением, и вместе с тем простой человек, задумавший жениться на королевно, приводил на память сказочных женихов царских дочерей, а не знатных героев любовно-рыцарского романа, типичным представителем которых был „гишпанский шляхтич Долторн“.

„Гистория“ о Долторне — образец авантурной повести, где главная и основная тема — любовь; в конце „Гистории“ сделан нравоучительный вывод, ничем не напоминающий „Гисторию о российском матросе“: „Сие удивительно, что за чистую и истинную услугу к своему государю, раб и разбойник избавлен от великих бед и получил неизглаголанную радость, в которой во вся дни живота своего, яко непоколебимый столп утвержденный стоял недвижно и в радости положил жизни своея“.

Автор „Гистории о российском матросе“ не только не берет за образец для своего героя знатных героев авантурной повести XVII—XVIII веков, но, наоборот, противопоставляет им Василия. Характерно в этом отношении описание первой встречи матроса с заключенной королевой Ираклией. „И как увиде Василий, паде от лепоты ея на землю, яко Лодвик королевич Рахлинский, токмо не так как Лодвик себя отягчил любовью силою и в болезнь впаде. Сей Василий, став на колени, рече: «Государыня прекрасная девица королевно, ты роду какова и како сими разбойниками взята?»»¹ „Лодвик королевич Рахлинский“ — герой широко распространенной в списках с конца XVII века повести, „зело предивной и полезной“, „О египетском короле Александре и названном его брате Лодвике“. Этот „названный брат“ Лодвик, увидев во дворце римскую королеву Флоренту, от внезапно охватившей его любви серьезно заболевает, и Александр принимает решительные меры, чтобы вызвать ответную любовь Флоренты и тем спасти умирающего Лодвика. Автор „Гистории о российском матросе“ вспомнил этот эпизод и решительно противопоставил Василия этому беспомощному влюбленному, показав, как матрос, подобно героям сказки, смело и энергично берется спасти полюбившуюся ему девушку.

Обстоятельства, при которых Василий попадает к разбойникам и становится их атаманом, затем встречает королеву и спасает ее, ни в малой степени не напоминают развитие действия „Гистории“ о Долторне.

Боясь кары за слишком длительную отлучку от двора испанского короля, знатный шляхтич, придворный королевского двора Долторн решает не возвращаться ко двору, на службу к королю, а ехать на разбойничий остров. Отъезд его продуман до конца. Он продает имение и добровольно является к разбойникам. Здесь он сам себя назначает атаманом,² и „поступал не так, как разбойнику надлежит, а поступал так, как самодержавец, и усмотря из них равных себе и искусных

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 9.

² В основу издания „Гистории о гишпанском шляхтиче Долторне“ положен дефектный список. Поэтому цитация повести проводится по рукописи ГПБ, Q. XV. 125, л. 121 об.

из дворян четырех человек писменно обязал, да во спасение живота своего, ежели от оного хотя противное слово услышу, то буду поступать, яко с злодеями".¹ Своим поведением Долторн вызвал возмущение разбойников, и „за такое отобрал Долторн главных бунтовщиков и казни предал, приказал вешать, иных четвертовать и головы рубить".²

Матрос Василий случайно попадает на разбойничий остров и сильно выбран в атаманы: „Разбойники одиноголасно российскому матросу Василию реша: «буди ты нам атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Тогда отвеща им Василий: «Братцы молодцы, пожалуйста, оставьте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал... и нача пред ними горко плакати»".³ После трехкратного (влияние фольклора) уговаривания Василия разбойники „все, яко лютые звери, одиноголасно закричали: «Ежели ты атаманом быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубим в пирожные части». Видев же Василий, zelo убоаяся, чтоб от них не быть и вправду убиту, глаголя им: «Буди по воли вашей»".⁴ Сам он никогда не участвовал в разбоях и грабежах, выдавая спрятанные в кафтане деньги за награбленные. Долторн же предводительствовал при грабежах и разбоях.

Во время одного из очередных грабежей, рассказывает „Гистория" о Долторне, разбойники взяли в плен дочь испанского короля Елеонору. Она хотела подарить ее есаулу, но когда вели ее по улице, в окно из своего дома увидел Елеонору Долторн и „спросил ясаула: «Что у тебя за девица и куда ведешь?». По объявлению ему обстоятельства все, а что ея к себе вел, того не объявил, но показал, якобы вел к нему, что слышав, Долторн скочи с места своего и принял ее»".⁵ Вечером у разбойников по случаю грабежа был устроен пир. „По окончании оного веселия все разошлись. Тогда Долторн взял Елеонору за руку и повел в спальную свою, и как пошли, тогда Долторн объявил ей свое намерение о нарушении ее девства, что слышав, прекрасная Елеонора, воздохнув из глубины сердца, со слезами просила: «Дражайший мой господин, прошу вас, ибо я—непорочная девица, а паче честного отца дочь и чтоб не поругана была вами в моем девичестве»".⁶ Долторн упорно настаивал на своем намерении. Когда же он допытывается, чья она дочь, то, узнав, что перед ним дочь испанского короля, совершенно меняет обращение с ней. Елеонора обещает ему за сохранение чистоты: „Ежели господь бог подаст мне такое счастье и буду во отечестве своем, то иному никому, кроме вас, супружницею быть не имею»".⁷ Предвкушая получение престола при условии женитьбы на королевне Елеоноре, Долторн обещает ей бегство с разбойничьего острова.

Матрос Василий случайно находит королеву Ираклию. Красота ее ослепляет его. Из любви к прекрасной девушке, не получив никаких обещаний, Василий спасает Ираклию от грубых вожделений разбойников. Ираклия искренно полюбила смелого, благородного „российского матроса" и „говорила, что до законного браку сохранять во всякой девической чистоте, а кроме ево в супружество не за кого не посягать, а ежели, кто один из них какими ни есть приключившимися резонами

¹ Рукопись ГПБ, Q. XV. 125, л. 122.

² Там же.

³ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 8.

⁴ Там же.

⁵ Рукопись ГПБ, Q. XV. 125, л. 120.

⁶ Там же, л. 120—120 об.

⁷ Там же.

отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать в девической чистоте. И он ей с клятвой обещался, что хранить девичество ей.¹ Этот разговор состоялся в Цесарии, много времени спустя после бегства героев с разбойничьего острова.

Как видим, весь облик „российского матроса“ очень далек от „гишпанского шляхтича“, каким он изображен и в качестве атамана разбойников, готового совершить насилие над „прекрасной Елеонорой“. Сходство „Гистории“ о Долторне с „Гисторией“ о матросе Василии ограничивается, таким образом, чисто внешними чертами, и знакомством с этой переводной повестью самый процесс создания второй части „Гистории“ о матросе Василии объяснен быть не может. Как мы видели выше, русские сказки дали автору гораздо больше материала, и в идейном замысле „Гистории“ они оставили несравненно больший след.

Однако это не значит, что должно быть исключено знакомство автора „Гистории“ о Василии с рассказом о приключениях „гишпанского шляхтича“ Долторна. Возможно, что это знакомство сказалось на второстепенных подробностях „Гистории“, например, на описании бегства с разбойничьего острова в Цесарию, на изображении взаимоотношений Василия с цесарем. Мы убедились, что автор хорошо знал и другой роман — „Историю об Александре и Лодвике“. Таким образом, „Гистория“ о Долторне припоминалась автору отдельными своими эпизодами так же, как и другие авантюрно-романические повести, но нет никаких оснований видеть в ней готовый образец, по типу которого слагалась вторая часть „Гистории о российском матросе Василии“. Подлинными „источниками“ автора при описании приключений матроса были русские народные сказки, оставившие след и на лексике „Гистории“.

В литературной истории повести о матросе Василии совершенно особое место занимает текст, сохранившийся в списке Калининского областного музея.² Этот текст представляет собой своеобразную обработку повести, сделанную читателем, который заинтересовался не теми сторонами повести, которые связывали ее содержание с определенной эпохой (реалии петровского времени) и приурочивали его к географически определенным местам. Этот читатель сосредоточил свое внимание на сказочной стороне приключений героя и на психологических элементах повествования. Поэтому он усилил занимательность рассказа, добавив от себя сказочные подробности (например притчу о камнях); подчеркнул чувствительность в речах Василия, его голландского хозяина, Ираклии; при каждом подходящем случае описал душевное состояние действующих лиц. Повесть, в ее первоначальном виде воспроизводящая немало бытовых черт петровского времени, становится ближе к сказкам и приключенческим романам, число которых всё увеличивается в течение XVIII века. Сохранившийся список середины XVIII века не лишен уже описок, ошибок и представляет, очевидно копию с обработки петровской повести, сделанной не позднее второй четверти XVIII века. Существенные отличия этой обработки от ее оригинала характеризуют литературные вкусы новой читательской среды, и этим усиливается значение публикуемого ниже текста.

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 14—15.

² Небольшая часть повести о матросе Василии по рукописи Калининского областного музея была опубликована в журнале „В наши дни“, 1936, № II, стр. 134—141: „История о российском матросе Василии (Критском)“, по рукописи Калининского музея. [Глава о пребывании Василия на разбойничьем острове]. Полностью список публикуется впервые.

При публикации сохраняются фонетические особенности списка (написания: матрос и матроз, каморгер и камергер, и др.), титла раскрыты, надстрочные буквы внесены в строку, пунктуация современная.

История славная о российском матрозе Василии Кириацком, как он ходил на кораблях и в других Европиях и како из острова от разбойников ушел и с собою прекрасную девицу королеву Ираклию Флоренскую от них избавил и поняв ее себе в жену и бысть во Флоренской земле королем многия годы

В российских Европиях дворенин некоторый живяше, небольшое л. 1
имение стяжаше, ему же имя Иоанн, по малой фамилии Кириацкой,
имел у себя сына Василия лицом лепо[образна]. И оной дворенин
в великую скудость прииде, что не имяше дневной пищи. Во едино
время оной ево сын Василий рече отцу своему: „Государь мой батюшко,
прошу твоего отеческаго благословения, извольте меня отпустить,
пойду в службу, то мне будет жалованье, от которого буду и вам
[присылать] на нужду и на прокормление. Выслуша отец отпусти. То
он приняв от [отца] благословение и записался в службу, || определили л. 1 об.
в морской флот матрозом.

Како служил на кораблях в обыкновенности
матроской

По определении, на корабле пребываше, жестоко по обычаю ма-
трозскому служаще, науки все перенимал и всех протчих матрозов
в науке превзошел и всем персонам знатным и незнатным верно служил,
которава все возлюбиле и доброе об нем слово говорили, и все воз-
любили и хвално восхваляли и жаловали и слава об нем великая
взыде, яко никоторому матрозу той чести недостойн быти, но паче
в своих науках острых припознася морския глубины, и быстрины, и
пучины, и мелкости, и ветры, и воздухи, и дороги к другим землям и
градам все разумел, за которую науку на кораблях старшим пребывал,
и другие к нему в науки предавались, от чего в славу и в честь
позвались.

[Прош]ение ево в другие грады для лутчей науки

Случися на кораблях указом матроз младших, которых для лутчей л. 2
науки за моря || в Галандию отсылать потом на караблях многих ото-
брали, токмо единого матроза Василия оставили. Видя он, Василей,
себя оставлена, ревность велию возымел к большой галанской науки
и желание непомерное себе восполил; потом нача проситца у всех
жалостно, яко не могли ему припятствовати ни в чем, видя ево все
к себе услужна. Того ради в ево прошении показали к нему милость
и написали в список галанской отпуск и отпустиша с протчими в галан-
скую землю. И тому он весьма был радощен. И как прибыли в Галан-
дию и всех в науку здаша, потом велено им учинить квартиры, то по
ево щастию в галанском граде поставили ево к некоторому купцу,
гостю богатому и славному. И как он пребывал у того гостя богатого
в квартире, вельми себя услужна и послушна вел, яко тому богатому
и славному гостю возлюбился и с ним по морям в другие города со
всякими драгими товары на корабях хождаше для лутчей науки и
[плава]ния научитца. И как со оным гостем ходил и товары с ним
заедин продавал, наипаче щастием ево вельми великая [прибыль] полу-

- л. 2 об. чилась. Того ради он, гость, || счастья все ему поручил товары и веря ему во всем непременно в своей казне, и многократно вместо себя хозяином посылал, то он больше ему прибыли чинил. И во единое время по случаю прилучилось купцам галанским отъехать в Россию с товары, и оной российской матроз Василей написал письмо ко отцу своему о своем прибытии и с ними, купцами, послал денег триста рублей, о которых деньгах писал в письме своем, и потом многое время пребывал в Галандии и желание восприял, чтобы ему самому побывать в России, понеже уже ево братва матрозы все в Россию из учения возвратишася, токмо он един пребывал многое время. И во едино время прииде пред гостя корабельного и нача с ним беседовать за едину компанию и в пришедшей своей беседе много о всем разговор имел. По окончании беседования з гостем выде вон ис полат и унывно себе сердцем распали и мысль себе восприял, как бы видеться с родителями своими. Потом возвратно вниде в полату, и гость ево
- л. 3 видя очень смущенна, [рече] ему: „Друже мой драгий, о чем ты || во един мамент изменился и печален явился?“. Тогда российский матроз Василей рече: „Благоприятный мой господине и благосердный и честный гость купли галанския, вам, моему государю, всю истинну предъявлю нескрытно, ино во мне великая печаль вселилась в сердце мое о родителях своих, что с ними давно не видался и известия никакова не слышу, а ныне мне очень во ум мой вниде мнение, что они, мои родители, яко помышляю, не живы. О том вас, моего государя, милости прошу пожаловать меня учинить свободна от себя из Галандии, яко да вижду родители моя и с ними свидания получю и от них благославление восприму, потом к вам, моему государю, обратно возвращусь и верно вам отслужю“. Сия словеса гость слышев, и против того ему рече: „Милый мой друже и добродетель верный и во всем надежный, не милы мне твои словеса. Отъезд твой мне скорбь приключает от жалости. Пожалуй, послушай, не езд. Видишь ты сам — у меня никово
- л. 3 об. не имеется сродственников, яко тебя имею за родственника, || имению тебя оставляю наследника“. Тогда российский матроз Василей рече: „Господине мой, гостю купли галанския, ежели мне по своему нынешнему желающеюся мыслию не исполнить, то мне от нестерпимой своей печали едва можно живу быть. Токмо едино у вас прошу пожаловать меня свободна учинить и свое намерение исполнить, и то, что вам прежде рек, исполню возвращение“. И гость галански от жалости по нем от слез не мог удержатца. Рече ему: „Милый мой и прилучший друже, вельми мне о тебе жалостно, вижду я тебя в своем желании неотменна и от себя отлучна. Прошу, не забуди ко мне возвращение учинить“. И рече ему гость: „Управи боже тебе путь шествовать во всяком счастье и благополучии“.

Какое поехал из Галандии в Россию

- И даде ему гость три корабля с разными дорогильными вещами и отпусти ево с великой честью из Галандии. И оной российский матроз нашел к себе на корабли работных людей довольно, сколько ему надлежало, и пошел морем из Галандии. Однако ж имел размышление
- л. 4 некоторое || в себе о приключаящейся некоторой невзгоде, яко своим сердцем вещим припознася. Един в корабле от всех отлучися, где ево драгия вещи лежаше, взяв 300 золотых червонных и зашил в тайное место в одеяние свое для всякой приключаящейся нужды себе во опасение, и потом идоша морем на кораблях.

Како на море приключилось нещастие

По отъезде из Галандии минувшем пятому дни восставшу на море великому ветру дышущу, яко всему морю изо дна с песком мешатися и кораблям от волн морских поколебатися и всем на кораблях живущим от страха вне ум бывшу, и падоша, яко мертвы. И еще больше югу возвеюшу, что вси три корабли не могли спасатися, но разбишася, и люди работныя истопоша. Токмо оной российской матроз Василей на едину широкую карабельную доску впаде, за которую руками своима крепко ухватился, и призываше бога себе во спасение, дабы от потопления избавитися. И божиею помощию принесло ево к некоторому великому острову, на котором || великий лес имеетъца, и не л. 4 об. проходимо никуда. Тогда российской матроз Василей седяше на берегу острова еще мало в уме от страха и седяше многое время, по коих пор ум ево собрася.

О пребывании ево во острове морском и как в руки разбойникам впаде и поставлен от них атаманом и как от них избавился и прекрасную королеву Ираклию от них уведе

Седяше на том пустом острове, нача горко плакати о своем приключающемся нещастии. Однако ж рассуждаше своєю мыслию о том, что божею милостию избавлен от потопления морского, и по том размышлении отложи от себе всякое попечение и начаша богу благодарение возсылати, яко его жива избави. И потом в том острове на брегу стояще и размышляше, куды бы итьтить, и походяше возле брегу обзираяся, яко не можаху того острова познати, понеже хотя и матрос и много шествовал по морям и по островом, а на сем острове в первый случай. Искаше, где б куды выттить, для того великой на том острове мшарник и лес частый, ни малой тропинки не обреташе. И хождаяше многое время, пришло, что и от гладу [смерти] ождати, и по хождении обрел тропинку невелику, || от брегу пошла в лес частой, и остановился л. 5 на ней, размышлял, какая тропинка, и опасение имеяше по ней итьтить, чтоб куды не зайтить... Однако ж упование на бога возложил и пошел тем местом, куда та тропинка пошла, и шол тою тропинкою частым лесом от брегу 40 поприщ и пришел к великому буяраку. И в том буяраке двор великой высоким тыном огорожен, и строения в том дворе много. И пришел к воротам того двора, размышлял, что какия в нем люди живут, також и о том великое сомнение имел, что недобрые люди обретаются, и ежели сказатца добрым человеком, помышлял убиту быть. Потом во мнение взял, что сказатца разбойником. И слышал в том дворе великой шум и нача в ворота стучать, то ис того двора разбойники выбегоша к нему и вопросиша его, что за человек и откуда. Он же им отвеща, яко разбойник един во острове живяше и добычу себе един получаше, то те разбойники взяша ево на двор к себе и привели в светлицу к своему главному атаману и сказаша об нем, что он разбойник и желает у них жить. И атаман вопроси ево, сколько [лет] на нашем острове живет? Он же им [рече]: || „Три года“. И они дившася, что ево во острове по сех пор не видали. л. 5 об. И видя ево молодца возрастом, зрачна, лицом прекрасна, в словах борза зело, быша ему радошны и накормиша его пищама добрыми и прияша его щестию. И поутру на заре прибежал эсаул разбойнический и говорит атаману: „Изволь, господин атаман, из молодцов отправлять

на добычу, понеже по морю идут многие корабли купецкие“. И тогда атаман крикнул громким гласом: „молодцы удалые, во фронт!“ . То все разбойники оружие побраша и во фронт вступаша, а российской матроз Василей не вступя, стояше особливо без оружия. Тогда все разбойники атаману глаголаше: „Господин атаман, что сей наш новопринимной удалой молодец с нами не во фронт?“ . Тогда атаман велел оружие ему выдать и во фронт вступить. И он, российский матроз, рече: „Господин атаман молодец, прошу, пожалуй меня, одного уволь, понеже я в артели не обыкн разбивать, токмо добычу един навыкн добывать“. Тогда атаман и все разбойники дали ему на волю, понеже он того желал, чтоб с ними в разбойнической артели не быть, опасаясь || того, егда б смертное убивство ему не учинить и пред богом грех смертельный не понести, их не раздражить, что тому не искусен быти, обыкности разбойнической, кроме матросской. И егда в кругу во фронт разбойники все стоят, тогда атаман около всех три раза обошел вокруг, шепташе губами заговор, и потом отпускаше на добычу, а российский матроз един пошел своею дорогою на промысел, не на такой, чтоб разбивать, но себе искать путь, как бы от них без всякого греха и во здравии уйтить. И пришел к берегу морскому и смотряше на море и никого не видеше, ктб ево из острову вывез. И нача о том горко рыдати. С плачем и от печали великия леже под кустом и уснул крепко, яко ему спати до самого вечера, и проснулся от сна и виде, что вечер, и мысляше, как им, разбойникам, появится не с чим, что добычи никакой не получил, а от них не ушел, и вынул из своего пращя, что в бытность на корабле зашил 300 червонных, и от тех 100 червонных вынул и пошел к ним, и пришед, положил пред атаманом и рече: „Господине атаману, что только добычи“. И они подивившася ево добычи, которую || приняли, и ево благодарили. И на утро також эсаул прибежал осмотря и возвестил атаману, что по морю идут корабли, то атаман всем повеле вступить во фронт со оружием и обошел трижды, отпустил на добычу, а российский матроз един по их изволению пошел. И прииде на то же место, где был прошедшего дня, и смотрел, ктб бы ево вывез. Токмо нашел великого зверя пардуса, от которого насилу ушел. И бысть своего разбойнического двора в густых кустах, лег отдыхать, так же до вечера проспал, и вечеру прииде и последние свои ис плащя вынул 200 златых червонных, которые принесе пред атамана и положи, что будто добыл на разбое. И тому все дивившася, яко на промысле щастлив. И потом разбойники, все вкупе собрашася, между собою начаша думати об нем и в разговорах своих говорили тако: „Сем мы, братьцы молодцы, сего новаго пришедшаго к нам поставим себе ево атаманом, понеже можно признать, что он человек умной и к добыче щастлив. Також, повидимому, знать можно, что и не прост собою, которой может всю атаманскую

л. б об. должность снести || и все отправить. А что ныне у нас атаман не искусен, за то ево переменим“. И все разбойники единодушно о том тщание восприяша и желание единое. И по тех разговорах все к нему, российскому матросу, приступаша, и начаша единогласно ево просить, чтоб он был у них атаманом. И оной российской матроз нача им говорить: „Удалые молодцы, пожалуйста, оставте меня, понеже оной должности мне не снести, и тому я не искусен быти атаманом, понеже я и большего в себе разума против людей умных не имею и вашей должности не исправлю за оскудением ума моего“. И те разбойники, яко звери лютые, на него зинуша: „Мы тебя в честь хотим произвесть, а ты нам не послушен, и сими отговорки не отговоритца. Хотя какая

л. 7

отговорки будешь перед нами говорить, мы тебя не слушаем, изволи быть у нас атаманом, сего часу смерти тебе предадим за послушание“. Он же того убоялся напрасныя смерти и рече им: „Господа мои, удалые молодцы, буди воля ваша... и со мною я вам готов служить... вашей волю исполнять, токмо вы будьте мне послушны“. || И они ему л. 7 об. рекоша с радостью: „Мы тебе во всем будем послушны без всякого сопротивления и служить верно“. И потом вси разбойники быша радостны, что он поставляется у них атаманом. И собранием вкупе разбойники приидоша к атаману, где он обретаетьца, и начаша ему глаголати: „Господине атаман, сего дня мы вси вкупе ревность возымели такую, что тебя переменити из атаманов, а поставили мы новаго атамана, пришедшаго молодца Василия, которой той чести достоин, а вы извольте из атаманов быть наряду с нами“. Тогда бывший атаман воста из своего места перед ними и рече: „Господа мои, молодцы удалые, я не спорю, буди по воли вашей. Я же и с вами в ряду готов верно служить“. И рече к ним: „Извольте принять“. Тогда вси разбойники собранием рекоша к ним: „Господа атаманы, извольте между собою один с рук отдавать, а другой принимать“. И потом || оба ата- л. 8 маны пошли по чуланам и по погребам и по омшеникам, и вси разбойники за ними смотревше, как они, атаманы, ходят. И как уже оным атаманы все приходили, чуланы и погребы и всю казну старой атаман с рук новому и здал и между собою поцеловалися и поклонились и старой атаман пошел к разбойникам вряд, а новой сел на стул, тогда приступиша вси разбойники к нему и начаша ниско кланяцца и глаголаше ему: „Здравствуй, наш государь, атаман-молодец, буди к нам милостив“. Тогда и он им ниско поклон отдал, и начаша пити и веселитися, поздравляюще новому атаману.

О содержащей у них, разбойников, девице,
прекрасной королевне Флоренской

По веселении и по поздравлении глаголюще вси разбойники к новому атаману: „Господин наш, честный атаман-молодец, изволь с нами итьтити до укромного места и принять наше тайное и драгое сокровище“. И атаман || Василей встал и пошел, и приведоша [его] к некото- л. 8 об. рому крепко каменну омшенику. И тот омшеник крепко заперт замками. И глаголюще атаману: „Вот тебе от сего омшеника ключи, токмо прости, не изволь в сей омшеник без нас ходить, а что в сем амшенике, то вам объявим опосле. Нынешнею порою объявить не можно, а ежели сведаем, господин атаман, что после нас один пойдеши, то тебе жива не оставим“. Тогда он, российский матроз, новой их атаман, рече: „Господа молодцы, что мне одному ходить без вашего приказу. Уже вы мне можете верить, что все передаете на руки“. И они рекоша единогласно: „Вам верим без опасения и полагаемся во всякой надежде“. И в той час от моря эсаул прибежал возвещать, что морем корабли плывут, и поздравил новому атаману, и рече эсаул: „Господин атаман-молодец, изволь отправлять молодцов на добычу“. Тогда Василей матроз, а их атаман, являя им себя остра, громким гласом воскрича: „Всем во фронт“. || То разбойники со оружием все сташа во фронт л. 9 он, атаман новый, являя себе притворно, яко будто от некоего волшебия знамение, окала их всех, привяза к себе два замка, три раза обежа скоро, будто заговаривая. И они между собой глаголаша: „То атаман добрый, достоин, что нас так крепко заговаривает з замками, яко нас стрелы и протчее оружие не вредити, не так, как прежней

атаман, не смысля ничего“. И потом вина им даде по ковшу, и они и пуще начаша хвалити атамана и поехали на добычу. Он же, атаман Василей, размышляше о том омшенике заповедном и хотяше уведомити, что в нем есть, и бояшся, что они ево ходу не познали. Однако ж отложи тот страх, прииде ко омшенику и отпер, двери отвори, и в том омшенике очень светло, понеже от верху окошки приведены. И как дверь отворив, и виде сядящу девицу вельми прекрасну и плачущуюся. И такой прекрасной красоты не видаше и от той красоты не мог, почитай, и стоять, и вопроси он ее: „Государыня прекрасная девица, скажи мне, не утай, какова ты || роду и как здесь обретаешься, и сколь давно, и которого граду или царства?“. Она же паде ему в ноги и не вставая рыдаше горко. Он же, атаман, рече: „Дорогая моя и прекрасная девица, престани от своих слез и востани и скажи мне всю свою истинну. Аз и сам здесь обретаюсь под неволею. Пожалуй, без всякого сомнения мне поведай“. Она же, прекрасная девица, воста от падения своего и ста пред ним тихо и кротко, руки имеяше согбенны, въздыхая от утробы сердца своего, яко и ему, атаману, зрящу на ню, прослезитися. Она же рече к нему тако: „Преизрядный и доброй молодец и милостивы мой государь, извольте меня спрашивать, аз вам, государю моему, без всякого моего утаения всю истину и подробно приключышаяся мне напасти вам, государю моему, открываю. Изволь, государь мой, странная меня девицы послушать“. И нача поведати: „Аз девица королевства Флоренского, короля дщерь единоутробная. У отца своего была в великой чести и в неге, яко меня нежил, что и пороху не даде на мя пасти, и любил меня паче меры. Також и л. 10 об. матери || моя не могла на мя насмотретца, и много всегда увеселялась. Только я у них едино детище. А приключишаяся сия напасть на мя такая, вам поведаю, государю моему. Приидоша морем под наше владение корабли с разными драгими товары и славно куплю деяху, яко таким товаром все наши флоренские министры удивилешся. А я имела охоту в гулянии на барках ездить у пристанища морского, и как я гуляла и приплывши к тем купецким караблям и ходила с пажами по караблем и смотрела товары. И в те поры нападоша оныя разбойники и корабли разбиша и купецких людей множество побиша, тако же и пажей, которыя были со мною, в море побрасаша. Меня едину в полон взяша и привелоша в сей остров, и содержуся у них уже тому второй год. И между ими, разбойники, великие прения о мне состоит, понеже за мою красоту всякой хочет поняти за себя в жену, и от того прения хотят меня умертвить, чтоб я никому не досталась, и уже б я, л. 10 об. государь мой, доброй молодец, рада || своему концу, чтоб они мне едино решение учинили, нежели живот мой так мучила. Я уже и сама жизни своей отчаяла“. И по окончании ее речей, все подробно выслуша, и рече ей матрос Василей: „Премного изрядная и дражайшая государыня моя, прекрасная кролевна, не бойся, моя государыня, и не сомневайся. Я вам донесу: ежели бог подаст нам здравия, я тебе не оставлю, и в той надежде изволь пребывать, что отселева как нам избавитца, о том буду способы искать“.

И о том девица вельми порадовалась. И рече девица: „О, возлюбленный мой доброй молодец, радость души моя“. И с той радости целова ево во уста. И пиши он ей подаде довольно и заповеда ей ничево им не говорити, також, что он будто не бывал у ней. И по беседе поцеловал ее, и в надежде оставя, запер попржнему омшеник той, а сам пошел к морю. И бывши на берегу моря, и такое счастье получил: от цесарскаго острова два судна, а на них рыболовы рыбу

ловят. Он же, их призвав к себе и просил, чтоб они ево отвезли на остров тот. Токмо ему жаль той девицы оставить, || и приговорил их, л. 11 чтоб чрез три дни тут были, и обещаваая им дать казны довольно. Они ж ему слово дали правдивсе, что быть. И от них возвратися в дом. И немного помедля, приехали разбойники з добычи и много казны привезоша с собою. И тако ему кланяхуся и благодаряше, что им щастие в добычи получилось, казну свою всю склали и начаша веселитися и кушать. По обеде наклаша великое блюдо всяких еств и глаголаше: „Господин атаман, изволь с нами итьтить, и покажем тебе некоторую вещь“. Тогда атаман с ними пошол. И приведоша в ускор двора ко омшанику и повелели атаману двери отпереть. И как дверь отперли, тогда вси глаголаше: „Изволь, господин атаман, оной девице сие кушанье подать“. Он же отвратился от нея, яко будто не любя женскаго взору, подаде ей. Тогда разбойники рекоша между себя: „Видеста ли, яко атаман наш не любит женскаго взору, не как первый бывший атаман, видение на нее распространяше. Сей наш атаман верен во в[сем]“. || Потом двери у того амшаника попережнему замкнуша и л. 11 об. пришедше нача веселитися. Потом Василей атаман рече разбойникам: „Молодцы удалые, послушайте меня, извольте казну свою в разные сумы класть, понеже как жалование вам давать, так и с той сумы будет отправлять, понеже у вас без разбору злато и серебро и драгие камене смешано“. Тогда то слово всем полюбилося и начаша отправляти и раскладоша по разным сумам. Також велел приготовить коня, на чем для будто от скуки повеселитца в езде. И то оныя со всею збруею управиша. И по утру эсаул от моря прибежал, возвестил, чтоб в добычу отправлены были, которых и отправил в промысел.

О ухаждени ево, матроса, от разбойников и з собою уведшем прекрасной кравелны Ираклии и о пребывании в Цесарии

Как тех разбойников в добычу отправил, то ни единого часу не мешкав, сыскавши у них некоторые роспуски, на которых ездят в лес по дрова, то он те роспуски || собрав и лошадь впряг, и которые сумы л. 12 лучия вещи наклады побрал. Потом прииде к омшанику, в котором кравелна сидяше, оттомкнул и вшел к ней и рече: „Любезная, моя прекрасная королевна, изволь выходить из своей сей проклятой темницы и убежим от сих проклятых убийц“. Тогда она от радости вскочивши и збралавшись села на те роспуски. И ни часа медля, побежаше к пристанищу, где пристанище рыболовский. И как прибегоша к пристанищу, а рыболовы уже у пристанища, и сложиша в судно сумы з багажом. Потом побежаше морем. И в те поры разбойники приехали з добычи и атамана своего не обрете в доме и пришли к омшанику и видя, что и содержащейся королевны нет, то в погоню вси в разные места разбегошася искати. И к тому месту прибегли, где он с рыболовами уплыл, такмо одни стояще роспуски, на которых он приехал. И видно им с берегу по морю их плывущих. Тогда сыскаша свое судно и начаша по морю гнати. И как блиско к тем рыболовам прибегоша, что уже можно и глас их слышать, то оныя разбойники || начаша громким гласом кричати з грозами, что возвратить. И оныя рыбо- л. 12 об. ловы, услышав глас их, також что быстро на гребках за ними гонящих, от чего убояхуся и возвращения чуть не учинили. Тогда российской матрос Василей останного рыболова, который на корми сидяше, взял и вверг в море, а сам сел на корму и начал грести. И потом восташе

погода, они же парус подыше, и оные главные разбойники не можаше достигнути, вотще возвращение учинили. И оной российской матрос к пристанищу острова цесарского прибегоша и вышел на остров и даде рыболовам едину суму с серебром, которую они, рыболовы, взяша и ево благодарю. И он, российской матрос, взял прекрасную королеву Ираклию и богаж в сумашах и нанял лехкое судно до Цесарии и поехал в Цесарию. И как прибыл в Цесарию, зело был радощен, что божию помощью здрав от них, разбойников, утече.

И прибывши в Цесарею, нанял некоторый дом преогромный, всякими украшениями украшен, и нача пребывать. Також к себе нанял хороших || молодых во услужение и х королевне девиц прекрасных. И славно живше и платья поделая всем наемным тем служителем, яко прятчи всех цесарских жителей. И в некоторую пору прилучися праздник, то он вельми платье себе зрядив, что ни цесарь такого украшения не видал и служителей своих так украсил, что от парчи золотой кафтаны поделал и камнем искладены, что лучи великие сияют. И приехал к церкви их и стал во едином месте у правой стороны. И в те поры приехал цесарь, и как вошел в церковь и видя ево, российский матроза, стоящаго, зело вострепетал сердцем своим, мняше некоторого из другого царства царевица, или королевича, или посланника. Призвав к себе своего каморгера и велел спросить, кто таков приезжей. И коморгер подошел к российскому матрозу и рече: „Премилосердный государь, доброй молодец, прислал к вашему сиятельству наш государь великий цесарь и приказал спросить, кто вы, государь, таковой || и откуда или которой земли самодержавец, или разыдент“. Тогда рече российский матроз: „Господин каморгер, изволь донести своему великому государю цесарю обо мне, что я ни царь, ни король, ни розыдент. Я человек простой, токмо езжу по всем градам, а слыву российским матрозом“. И он, каморгер, подошел и все те речи цесарскому величеству объявил. И как служба церковная прошла, тогда цесарь просил сам российского матроза к себе во дворец. Он же ему поклон отдаде и рече: „Честный великий государь цесарь, буду, государь, и вам поклон свой должный отдам“. И цесарь поехал во дворец, а он, российский матроз, прежде ездил в свой дом. И как приехал в свой дом и вошел в полату и рече к прекрасной кралевне: „Любезная моя прекрасная кралевна Ираклия, ныне меня просил сам великий цесарь, чтоб я к нему был во дворец“. Она, королевна, рече: „Свет мой драгий и радость моему сердцу, надобно тебе ехать и цесарю поклон отдать и в нем милость искать, чего того весма надлежит“. ||

Како поехал во дворец к цесарю

Услыша такие слова от прекрасная королевы и убрався вельми, а 14 яко лепо быти великому королю, весь в драгоценном платье, изнизан от камня самых драгих, от которых сияние, яко подобно великим лучам быти, что человеку от очей зрак может отыматца, и своих служащих, которые ездявся за ним, всех вельми украсих, яко подобным министрам быти. И по том украсяся поехал во дворец. И как во дворец приехал, тогда цесарь, увидя приехавшаго российского матроза, с великой радости из своих полат сам вышел и встрел, с радостью в полаты взя и рече: „Друг мой приятный, добрый молодец, благодарствую за твое приятство, что ко мне пожаловал и не оставил моей прозбы“. И также все при нем министры все ему быша радостни, а цесарь так был радостен, что пуще и быть не можно.

О разговорах российского матроза с цесарем

И цесарь российского матроза нача подчивать, || сажать с собою за *л. 14 об.* стол, а российский матроз рече: „Государь великий цесарь, мне, государь, недостойно с вашим величеством садитца, понеже не от природнаго ковалерства и знатной фамилии. Достойно мне пред вашим величеством стоять раболепно“. И рече цесарь: „Господине доброй молодец, я тебе рад, хотя бы ты какова звания не был. Изволь со мною садитца“. И посадил неволею и всякими ествы разными почтоша. И как с цесарем сидяше, многие слова в разговорах говорили. Потом цесарь вопросы российского матроза о рождении и о пребывании. Потом же российской матроз цесарю нача о себе поведати всю истину с ясным доказательством, вста из места своего и рече: „Государь великий цесарь, изволь послушать обо мне“. Цесарь сказал: „Изволь сесть и мне поведать“. Потом сяде в стул и нача глаголати: „Я, государь, рожден в российском государстве не от богатаго шляхетства. Отец мой убогой человек, что не имел за скудостию своею дневной пищи, и от той скудости я пошел в матрозы и служил на кораблях || *л. 15* *рос- сийских* многие годы, и было мне от камандоров щастие. Потом для лутчей [науки] отпущен в Галандию и тамо мне и больше щастие было от некоторого галанского купецкаго гостя, яко мне верил вместо себя во всех товарах и во всей казне своей и желал меня наследником учинить всему своему дому. И от него я ходил на кораблях в другие государства с разными товары и прослыл российским матрозом. Потом я восхотел возвратиться в Россию и ведетца с родителями своими, и тот гость отпустил меня в Россию и даде мне 3 карабля, на которых я пошел с наемными людьми. И на море разбиша бурю, и все потопша и люди, токмо я един от потопления избавился, и на остров принесло“. И до того поведал цесарю, что на острове у разбойников был и от них поставлен атаманом, и как содержащую у них прекрасную королеву флоренскую Ираклию обрел, и как от них ушел и королеву с собою увел, и как уже и до его цесарского содержания прибыл и с прекрасною королевною Ираклиею. И оное цесарь выслушав все подробно, очень дивился тому, что многое ево похождение и труды. И рече ему: „Приятной мой доброй молодец, многое твое похождение и достойнее тебя почтить всякому человеку, || *л. 15 об.* будет чести больши от флоренского короля, яко ево дочь ты избавил, а от него, флоренского короля, уже послан адмирал искать, токмо не могут ее сыскать“. И вопросы цесарь: „Пожалуй, скажи мне, доброй молодец, где та королевна?“. Он же рече: „Государь великий, королевна та со мною в твоем государстве, в добром здравии“. И много цесарь разговаривал и назва его, российского матроза, братом и приказал ему дать особливый дворец и от своего дворца все ему кушанье отпущать и министрам своем при нем быть. И приказал ево почитать наипаче себе. И потом цесарь сам к нему почти все дни ездил. А как российский матроз во своем дворце пребывал, то прекрасная королевна Ираклия флоренская забавлялась на арфе и ево учила также играть, которую науку он перенял изрядно, как и она играет. И даде ему королевна завет такой своей волею, что кроме ево за другога в супружество не итить. И жестоко ево своим горячим сердцем любила, яко не могла на него и насмотретца.

О приезде [в] Цесари[ю] из Флоренской земли адмирала, ищущаго пропадшей королевны Ираклии

- л. 16 Во едино время случилось российскому матрозу Василею быть у цесаря во дворце. И сидящим за столом, многие разговоры между собою имели. И в то время у морской пристани учинилась пушечная пальба. То цесарь слышав, послал от себя каморгера и приказал осведомитца, кто прибыл к цесарю. И каморгер немедленно побежал к пристани и подлино осведомился и к цесарю возвратился. И рече каморгер к цесарю: „Государь великий наш цесарь, прибыл в Цесарию из Флоренской земли адмирал для искания пропадшей их королевны“. Тогда цесарь послал ево, каморгера, просить адмирала к себе во дворец. И оной камергер из дворца ездил на пристань и просил того адмирала. И оной прибывшей адмирал во дворец к цесарю приехал. И как у цесаря был, многие разговоры имел. Потом объявляя данный ему лист от короля флоренского о пропадшей их королевне, в котором написано тако: „Аз есмь флоренский кроль Дозберд, послал из Флоренции своего адмирала во все Европии в столичные грады для возлюбленной своей единоутробной дщери, которая в прошлых годех из царства моего некоторыми неприятельскими людьми увезена. И где она моя возлюбленная дщерь || обрящется, то просить тебе, адмиралу, с великой честью, дабы была с честью отдана, понеже уже об ней в великой несносной печали дни своя препровождаю. Аще кто может разсудить, какова родителем по своим детям тяжко, тот может всякую отеческую милость предъявить и возвращение учинить без всякого препятствия. Того ради всепокорно прошю пожаловать, где моя возлюбленная дщерь обретается, для моей печали несносной милосердие показать и возвратно учинить. И тако окончив. Король Дозберд“.
- И как оное пред цесарем прочтено, тогда цесарь рече к брату своему названному, российскому матросу: „Истинно всякому о том грустно“. Потом рече цесарь адмиралу: „Господин адмирал, твоя государыня кралевна обретается здесь, в моем цесарстве, и оную кралевну сей человек, мой названой брат, ее избавил от рук неприятельских“. Тогда адмирал обрадовался и рече российскому матросу: „Государь честный розыдент и брат великого цесаря, пожалуй, прикажи мне уволить показать государыню мою“. Тогда российский матроз рече л. 17 адмиралу: „Господин адмирал, изволь завтра || приезжать ко мне во дворец, то увидишь свою государыню кралевну, а ныне невозможно видеть“. То слышав, адмирал отдаде поклон цесарю и российскому матрозу, поехал на пристань. А российской матроз, посидев у цесаря, поехал в своей дворец. Тогда прекрасная кралевна встретила ево и рече ему: „Государь мой любезный и радость моему сердцу, Василей Иванович, что долго у цесаря был?“. Тогда рече ей Василей: „Любезная моя государыня кралевна, я тебе скажу радостныя слова. От батюшка твоего, короля флоренского, приехал адмирал для тебя и завтра он будет ко мне во дворец и тебе хочет поклон отдать“. Тогда кралевна изменилась из лица и бысть печальна и рече: „Государь мой предражайший и сердцу моему радость, не милы мне твои весты, не желаю того адмирала видеть“. И приказала себе черное платье зделать. И поутру убралась в черное платье, яко старица из монастыря. И приехав поутру адмирал во дворец и возшел в полаты и поклон отдал российскому матрозу. Також, которые при нем были генералы и сенаторы цесарские, всем поклонился. Потом российский матроз его л. 17 об. подчивал и разговор между собою имели. || И по разговорах адмирал

просил видеть свою государыню, то российский матроз вышел из места своего и пришел к прекрасной кравевне в особливую ее полату, где она обреталась, и рече: „Государыня моя, возлюбленная кравевна, адмирал вас желает видеть“. Она же рече: „Не очень мне приятно с ним беседовать, токмо нельзя того миновать. Извольте ево ко мне пустить“. Тогда российский матроз вышел к адмиралу и рече: „Господин адмирал, изволь свою государыню видеть“. И пустил ево к ней в полату. И как вошел адмирал к ней, она же на стуле сядяще печально. И как оной адмирал вошел и стал пред нею раболепно кланятца. И рече адмирал кравевне: „Государыня прекрасная кравевна, здравствуй. Приказал ваш батюшко и матушка донести, что они в добром здравии, токмо об тебе всегда в печалях несносных сокрушаются и чуть живы с печали“. Она же токмо ему промолвила: „Благодарствую, господин адмирал, о возвещении здравия отца моего и матери, а вы разсудите, что мое разлучение невольно“. И потом ничево с ним не говорила. Тогда адмирал вышел от ней и, постояв немного, поехал во дворец к цесарю. И как был у цесаря и просил об отдаче прекрасной кравевны. Тогда цесарь ему, адмиралу, рече: || „Мне в ней воли нет. Как соизво- л. 18 лит брат мой названой. Токмо ее с тобою отпустить невозможно, понеже я отправлю брата своего с нею к вам и дам ему для препровождения людей довольно и своих знатных министров, а вы извольте ехать вперед королю своему возвестить, что она в добром здравии обретается у нас в Цесарии, и донеси, что будет она отправлена с великою от нас честью, и с тем, кто ее избавил от неприятельских рук, понеже ему от короля будет великое воздаяние“.

О умышлении того адмирала

И оной адмирал, выслушав от цесаря, и бысть печален и отдал поклон цесарю и поехал на пристань. И приехавши на пристани, думал, как бы ему обманом увести. И тако шпионски вздумал, что просить российского матроза с прекрасною королевною для провождения и погулять, а их истребить, а ее увести, понеже то мыслил, что король ему обещал, как сыщет, отдать за нево в жену и наследником учинить во всем, для того, что он вдовой. || И мыслив сие, поехал л. 18 об. к российскому матрозу. И как приехал, нача шпионски просить: „Государь великий, цесарской брат, Василей Иванович, доношу вам, государь, что я вас желал видеть своим государем, понеже король наш при старости, а токмо у него оная единая дщерь, государыня наша королевна Ираклия. И то король наш рек такое слово: ежели сыщется дщерь моя возлюбленная Ираклия, хотя каковы ни был человек, токмо в ее меру млад, то отдам в жену и наследником учиню. А вы, милостивый государь, той чести достойны быть, и надеемся мы вам, государю, верно служить. И я в надежде был такой, чтоб вы были со мною отпущены, и о том брата вашего, великого цесаря, просил, но токмо цесарь объявил мне, вас, государя, одного со мною отпустить не желает, а хочет особливо от себя с честью отпустить после меня, а я завтрашное число возвратно один отправляюсь для возвещения такой радости, о чем от нашего короля будет встреча радостная. Того ради вас, государя, покорно прошю завтрашное число ко мне откушать и повеселитца и посмотреть моего отъезду. Пожалуй, государь мой, не оставь прозбы моей. || Прошу со всеми генералами и министрами л. 19 цесарскими, також милости прошю, чтоб и государыня наша кравевна Ираклия пожаловала быть для ради своего батюшка и матушки, и для

того, что и я, старшей адмирал, верно им, государем, служил, и впредь в верности услужить во всем непременно обещаю". Тогда российский матроз, оное выслушав от адмирала, рече ему: „Господин адмирал, готов завтрашняго числа к вам быть и в том вы извольте надежду иметь, что твоей просьбы не оставляю!". Тогда адмирал, поклонясь российскому матросу, яко своему государю, и поехал с великою надеждою на пристань. А как те флоренские афицеры с адмиралом своим завсегда были во дворце у российского матроза, то им от него великая честь имелась быть, и многие им для своей чести и славы давал червонные. И от них, приезжих флоренских афицеров, восприял великую честь и славу, яко такой чести своему адмиралу не воздаваше, и между собою об нем слово говорили доброе и похвальное и нарекали ево милостивым. И как адмирал из дворца от российского матроза прибыл на пристань и призвал своих всех афицеров подкомандующих и отдал

л. 19 об. приказ такова, || чтоб ко утреннему дню были б все ево корабли приправны, також совсем бы все были в поход в готовности, и приказал питья всякова изготовить. И как будет завтра к нему из дворца российской матроз с прекрасной королевною Ираклиею и при них будет множество цесарских министров и генералов, которых приказано поить всяким напиткам допьяна. И чтоб так были пьяны, чтоб сами себя не помнили, а им афицерам своим и другим не крепко пить, а приказал быть опасными: „Чего ради вам отдасться вторительный приказ завтрашняго числа“.

По отъезде адмирала из дворца российского матроза, той российский матроз Василей прииде к прекрасной королевне Ираклии во особливую ее палату, где она з девицами сидела, и рече ей: „Дражайшая моя государыня, прекрасная королевна Ираклия, сего дня приезжал ко мне ваш адмирал и объявил, что завтрашняго дня он отъезжает

л. 20 в ваше отечество и просил, чтобы мы к нему || для такова отъезду были б и с тобою, государынею моею“.

Рече ему прекрасная кралевна Ираклия: „Государь мой любезный и сердцу моему радость и всему моему утешению сладость, драгий, добрый молодец, Василий Иванович, буди воля твоя, государя моего, я тебе не прекословлю. Однако ж вам предъявляю не во гнев, я сумнительна о том, чтоб он, адмирал, чего по-шпионски не учинил, а больше извольте сведома чинить брата вашего, а нашего государя цесаря, что повелит ли тебе к нему без препятствия ехать, понеже того учинить невозможно, что к нему по ево прозбе не быть, для того, что он, адмирал, из отечества нашего едет ко отцу моему и скажет отцу моему о том нашем неприятстве. А больше воля твоя о всем надлежит и о том чинить с воли цесарского величества“.

И потом российский матроз Василей поехал во дворец к цесарю. И как был у цесаря и беседовал с ним, потом ж и то открыв все цесарю, что ево просил адмирал. Потом цесарь рече: „Любезный мой

л. 20 об. брат, надлежит тебе для своей чести быть, о чем он, адмирал, || при бытности своей королю флоренскому оное объявить“. Тогда российской матроз рече: „Государь мой великий цесарь, я вашему величеству объявляю: опасен, чтоб он, адмирал, шпионски чего не учинил над нами“. И цесарь рече: „Любезный мой брат, изволь ехать и с прекрасною королевною без опасения и возми с собою, сколько угодно моих министров и знатных генералов и пажей без сомнения к нему, яко он, адмирал, тебе ничто зло не сотворит“. И побывши во дворце у цесаря и поехал в свой дворец. И приехавши объявил королевне Ираклии все подробно, что цесарь присоветовал ехать для провожде-

ния адмирала флоренского. Рано поутру, на 1-м часу, во дворец к российскому матрозу приехал адмирал и дожидался, как встанет. И как встал оной российской матрос Василей, тогда оной адмирал вошел в полаты и поклонился, яко своему государю, и рече: „Милостивой государь || наш, Василей Иванович, прошу вчерашней моей рабской л. 27 прозбы не оставить“. Тогда российский матрос рече: „Истинно буду и с королевною“. И тот адмирал отдал поклон и поехал с радостью, и приехавши на корабль и нача прибираться с принадлежащим документом, что надобно, и готовить что [для] прибывших гостей. И российский матрос Василей, собравшись со всем дворцом и множеством с ним цесарских министров и генералов и пажей и лакеев, яко всех в прибранстве собралось всякого чина с ним до 2000 человек, и поехал славно на пристань к адмиралу и с прекрасною кралевною Ираклиею флоренской, и с нею, королевною, цесарских дам знатных персон и флерен девиц до 70 лиц. И приехал к нему, адмиралу, словно, которым встреча от него, адмирала флоренского, была вельми изрядно и приятно.

Адмирал флоренский принял честно и в корабль убранной всех забрал и нача прохладатца и питием довольствоваться, и тако уподчевал, что от великого пития все измождаху. Потом адмирал отдал приказ, чтоб парусы || подняв и бежать от цесаря. И оныя, подняв парусы л. 21 об. и отчаливши от берега, и на ту пору воста погода им, флоренска, в пособу, яко единым часом отбежаша от Цесарии до 100 поприщ. А он, адмирал, в корабле с ними для их пагубы прохладящеся, и как отбежав означенное число поприщ, приказал адмирал всех пьяных метать в море. И начаша метать, яко не одинаго оставиша, един российский матрос Василей остался с прекрасною кралевною, и видя такое несчастье, стал адмиралу говорить: „Господин адмирал, неизрядно шутку зашутил и веселие показал, хотя ты на всех изгубил и света лишил, а себе смерти доспел“. Тогда адмирал не яко своему государю раболепно честь воздавше, рыкнув, яко зверь лютый лев, гласом: „Злой сопостат, неприятный и презлы разбойник, яко ты разбойник, бывый разбойник и разбивая по морю карабли и нашу государыню королеву от нас увезе шпионски и хочешь нам быть государем, злой и неприродной человек“. И взя ево за волосы, нача влачити и бить смертельно и бросил за двери к матросам и велел ево бросить в море, а сам остался у королевы || и видя ее упадшу долу от страха. И он ее л. 22 подня, и взя обнаженной мечь, и стал над нею и рече немилостивно: „Государыня королева, живот ли тебе или смерть?“. И королева от страха не может глаголати. Он же, адмирал рече: „Даждь ми ты, королева, такое слово с клятвою от себя, что я сие творил, отцу своему, матере и протчим сего не поведати, а токмо сказать, что взята неприятельскими людьми и продана в Цесарею и как я, адмирал, был в Цесареи и просил у цесаря с честью, токмо цесарь не отдал, а взял з бою. И оное все сказать на мою пользу, а ежели сего не скажете и присланной мне должности мне сейчас не отдать, то сей же час мертву ты учиню. Что, королева, со мною не говоришь, или думаешь, что зло сотворить мне?“. Тогда королева от страху рече адмиралу: „Государь мой, не дай мне, бедной, безвременно умереть, и так я от прежней своей страсти живот свой насадила. Не могу в чюство свое истинное приитить. Вижу свое над собою несчастье, и чего мне миновать не можна. Буди по твоей воли, государя моего, что соизволишь, так и твори“. || Тогда адмирал рече: „Токмо ты, королева, мне дай л. 22 об. верное слово присяжное обо всем не сказывать об моей сей поступке“.

- Она же, королева, даде страха своего ради клятвенное слово, что не поведати никому. Тогда адмирал бысть радостен и нача ея лобзати и с нею забавлятися. А как он российского матроза Василя бив и за дверь из горницы карабельной выкинул и велел своим матросам ево кинуть в море, тогда ево матросы взяша в кают корабельной и думали ево в море бросить по приказу адмиральскому. Токмо вспомянули об нем, что он в Цесарии был к ним милостив и много давал им червонных и сожалели об нем напрасно погубить. Токмо опасны были адмирала и недомышляху, какую ему способу учинить. А он ко всем им припадаху у ног и милости и способу о спасении своем просил слезно. И как прилучися им плыть блиско малого некоего островка, на нем же бе кусты ракитовые великия, густыя. Они же, матрозы флоренския, то усмотря, сыскали в корабле судно маленькое, называемы челночик, ||
- л. 23 яко одному человеку вместитись, и взявши ево, российского матроза, блиско того островка посадили в тот челночек и даша ему некоторую малую лопатку, чтоб ему можно перегрести к островку, и рекоша ему: „Государь наш милостивый, российской матроз и брат царев, прости и не помяни нашей к себе злобы, понеже не от нас сие над тобою такое несчастье учинилось, и прости нас“. И пустили, а сами на корабле поплыли. И сказали адмиралу, что на него навязав пушечное ядро и потопили в море. И адмирал в той надежде остался, что ево жива не оставели, и быст радостен и матросам и афицерам своим даде всякого поила довольство, и веселились во все путешествие. А российской матроз Василей в малом чолночку доплыл до островка и сел в густых кустах. А как они ево в чолнок посадили, даша ему три хлеба на пропитание, и он, российской матроз, взял те хлеба выложил
- л. 23 об. на остров и челнок вытащил и нача на том острове пребывать. || Сяду ему на острове, российскому матрозу Василю и плачущуся горко, неутешно и держателя господна на помощь призывающе, сиде глаголя: „Господи, боже милостивый и щедрый ты, господи, заблудших спасаеши и от напасти избавляеши. Аз есмь грешный и недостойный и во всех грехах повинны и несть достойны до добрих дел, и не смею во грехах своих возрети на высоту небесную, но ты, господи, не хощеши погубити человека, но всякого желеаши спасти и на истинны путь наставити. Помилуй мя, яко немощен есмь, исцели мя, господи, от напасти сея, извести мя от непроходных сих мест, яко пресельник и раб твой есмь и на ты уповаю. Буди, господи, воля твоя надо мною“. Сия ему глаголящу, внезапно предста в видении ему старый муж, сединами украшен. Егда ему видети, бысть он, российской матроз, прирашен. И рече той старый муж к нему: „Что, человекче, скорбиши, о чем
- л. 24 печалишся? Возверзи на господна печаль твою, || яко той спасет тя от печали твоей. Куда твое намерение? В которую страну извести тя, в Цесарию или во Флоренцию?“. Он же рече: „Господине мой, кто еси ты таков избавитель мой явился? Повеждь ми“. Он же отвещав, старый муж, к нему: „Аз есмь раб божий, хожду по морям, заблудших извожду, помощи подаю“. Рече российской матроз: „Господине мой, желание имеется быть во Флоренции“. Тогда он, старый муж, взя малое судно и посади российского матроза в то малое судно, а сам он, сидя на корме с веслом, нача грести, таково быстро побеже морем, яко быстрее облака поднебснаго. И во един час прибегоша на пристань Флоренскаго королевства. Тогда он, старый муж, рече: „Перейди в королевство“. Он же, российской матроз, хотя с себя дати платье доброе, в котором был в Цесарии убран вельми изрядно, что весь в позументах, с камением бриллиантовым и искрами алмазными. И он,

старый муж, в тот час невидим бысть. Тогда российской матрос Василей, не зная, что делать, понеже мысляше в себе как итьтити во град, || что на нем платье доброе, во оном признатен явится, и желаше, где б л. 24 об. такое ветхое сыскать платье. И виде некотораго неимущаго старика нищего, бе на нем платье очень ветхое, все исплачено. Он же, российской матрос, у старога прося платья худое, а свое отдаше. Тогда той старик рече: „Добрый господине, не надлежит тебе старому человеку смеяться. Лутче б тебе мне сотворить милостыню“. То российской матроз, видя старога не дающа з себя платья, взяв ево и насильно повалил и снял с него худое платье, а с себя сняв, отдал ему, а худое надел на себя. А старик, подхвата ево платье, нача бежати. Також и российской матроз от него начаша бежати, чтоб за ним старой не бежал с платьем, да не признатен будет во флорендском королевстве. И прииде российской матрос в столичной королевской град, идеж король Дозберд флоренский пребывает. Егда российской матроз Василей пришел в тот град, то никто ево не познал, мняху тутошнаго жителя || нишаго, понеже он, российской матрос, вельмо твердо их флоренский л. 25 язык знал и все разговоры их, а перенял язык, как был в Цесарии, от прекрасной кралевны Ираклии флоренские. И прииде близ дворца королевскаго и не знаша, где бы себе пристанище учинить, а недалече того дворца невелика келейка, против дворцоваго ходу пригорожены сени невелички. Он же, российской матроз, нача у той келейки стучатца, и вышла к нему старушка очень стара. Он же флоренским языком нача у ней проситца, чтоб ево она к себе до времени пустила пожить. Она ж, старая старуха, многократно отрицашея, не хотяху к себе пустить. Потом, видя ево прискорбна в печали, и пусти. Он же у нея живяше с того числа месяц до прибытия адмирала флоренского из Цесарии с прекрасною кралевной, а живяше у старухи, вельми ей служаше, воду нося и дрова секи и работаше на стороне для добытия себе пищи || промыслом, чинил от своей работы довольство пищи, л. 25 об. от чего той старухе покормка неоскудная от него получалась, и вельми она ему была рада. Да при нем же была королевнина Ираклии собственная золотая арфа, на которой она в бытность в Цесарии учила играть. Егда же людей не прилучится, то он един седяше забавы чинил в ту арфу, монаветы наигрывал, а наипаче играл цесарский мановет, в которой наигрывал разлучение с нею от проклятого, шпионского адмирала. Як начнет играть, то вельми жалостно, что слезы из очей ево капляше, воспоминая прекрасною и любезною королевну. Да и то преудивительно поведать, что как играл ему, российскому матросу, то и тая старая старушка плакаше под ево игру.

По пришествии месяца прибыл адмирал из Цесарии в Флоренское королевство. И как прибыл к пристани, нача ис пушек стрелять, потом афицера || в скорости к королю во дворец послал с радостным изве- л. 26 стием, что прекрасную любезную дщерь привезе. И как оной афицер короля возвести, то король Дозберд слышав бысть радостен и приказал берлин закладовать. А скоро побеже сам король и с королевою шли прежде берлина. Уже с поспешением на дороге догнаше з берлином, в которой король сел и с королевою женою своею и приехав к пристани. И вышел адмирал встречать и кланялся королю. И рече адмирал: „Государь великий наш, король Дозберд, с государынею нашею, здравствуй с радостию, понеже дочь ваша Ираклия мною сыскана в добром здравии“. Потом вышла дочь их, прекрасная королевна Ираклия, ис корабля в черном, лицом печальна и поклонилась отцу и матери своей и ничто же глаголях, токмо въздыхая сердечно. Тогда

- король рече к дочери своей: „Что, моя любезная, унывно и печально
 л. 26 об. и ничево не говоришь? Надобно тебе веселитца, || что в свое отечество
 прибыла, или что мыслишь печально, нам поведай“. Она же рече:
 „Государь мой батюшко, печаль во мне несносная, о котором болю
 своим сердцем“. И рече королева ко отцу своему виршелом что:
 „Во мне печаль такая: был при мне драгий камень, от которого вели-
 кой свет себе имела не токмо что во дни, а наипаче в нощи, чем
 всегда имела забаву, все мое было счастье происходило. И тот камень драгий,
 едучи ис Цесарии, в море утопила“. Сие изглаголав, королева сама
 вся слезами залилась. Тогда король флоренской, отец ее, рече: „Дщерь
 моя любезная, хотя ты тот камень утратила, могу я тот камень в дру-
 гих государствах сыскать. То все наживное, и плачешь и сокрушаешь
 себя напрасно, от неразумия своего, яко тебе поставят, отринная,
 л. 27 люди неразумною, что в тебе || первой случай безумие явилось“. Сие
 король рек, невыразумел дщере своей скрытныя словеса. И королева
 уже больше ничего не рекла. Токмо шпионский адмирал нача тщесла-
 вие объявлять, рече королю: „Государь наш, великий король флорен-
 ской, вашему королевскому величеству доношу. Как я преплыл в Цеса-
 рию и вашу прекрасную королеву обрел у цесаря и просил с честию,
 токмо к тому цесарь не склонялся и честию не отдал, и я обманом
 взял таким образом: некоторую от цесарского двора даму упросил
 втайне, чтоб королеву ко мне для будто свидания привела б, и она
 дама по моей прозбе учинила и королеву ко мне привела, которую
 я взял честно в корабль и побежал по морю от пристани цесарской.
 И была за мною великая погоня, которая догнав учинила со мною
 л. 27 об. баталию великую. И я, ваш адмирал, так храбро поступил || что карабли
 все испробил и в море цесарских людей много потопил, и со всею
 сохранностию ныне прибыл к вашему величеству, и поздравляю вашему
 величеству“. И по окончании адмиральных речей король ему благода-
 рил с почтением великим и поехал с пристани во дворец. И приехав
 во дворец, бысть великая радость и веселье, и по том веселии учини-
 лась пальба во все судки безумолку.
- И по том веселии оный адмирал возымел смелость пред королем
 и рече: „Государь великий наш, король флоренский, милости прошю,
 о чем мое было тцдание и побуждение, и вы изволили обещать мило-
 стивым своим королевским словом, егда как королеву сыщу, оную
 получить мне в супружество“. Тогда король рече: „Мое слово непре-
 менно“. И встал из своего королевскаго места и адмиралу даде руку
 л. 28 и пред всеми министры громко рече объявление: „Господа || министры,
 сего адмирала поставляю вам главнейшаго место себя и отдаю дочь
 свою, прекрасную королеву Ираклию, за службы ево в стране избрал
 место себя наследника, которому быть надлежащим после меня короля“.
 Тогда вси министры, слышав от короля, и рекоша: „Готовы по вашему
 королевскому приказу слушать и почитать“. Тогда король приде
 ко дщери своей, прекрасной Ираклии, и рече ей: „Государыня моя,
 любезная дочь, оставь свою печаль о потопленном драгом камне. Уже
 тебе того печалю не получить, а себе напрасно сокрушаешь безвре-
 менно. Я вам, государыня, донесу: сего дня слово дал своему возлюб-
 ленному адмиралу, что тебе за него выдать в жену и наследником
 для своей старости учинить желаю“. Тогда королева рече: „За волю
 твою, государя моего батюшки, готова. Однако милосердия твоего
 отеческаго прошю покорно, пожалуй не принуждай меня в скорости
 л. 28 об. замужества за сего адмирала, почезе моего намерения еще || не имеется,

а когда мое время будет, то с радостью готова. Токмо еще ныне о том оставления прошю“. Егда король слышав сие от дщери своей, прекрасной Ираклии, разгневавшись на нее великим гневом и рече: „Окаянная, тебя просил честию, ты мою прозбу оставляешь. Знатно ты, проклятая, не отеческого рождения и признаваю тебя, проклятую, в бытность в Цесарии свое отечество порудила и заповедь преступила. Буди, проклятая, завтрашнего числа ко браку готова, понеже, не взирая на твои отговорки завтрашнего числа отдам замуж за своего адмирала возлюбленого, за его мне верныя службы и великия услуги“. Сия рек король и пошел от тоя королевны, ис полаты. И королевна великую на себя возложи тягость и печаль сердцу своему, понеже что сие ей неугодно и нача горко плакати и вошла в свою спальную камору и сядяще на своей кровати, непрестанно въздыхая и слезы проливая. || А король флоренский веселяся и рече король адмиралу, л. 29 своему нареченному зятю, чтоб готов был х браку, и адмирал нача убираться в надежде. И как день наста, то адмирал, убравшись со всем принадлежащим, и поехал к кирки, и прислал пажа х королю, чтоб немедленно королевну везли. И король флоренский повеле убирать цуки и берлины и дам довольство и девиц. И прииде король к дочери своей, где она сидит, обрете ея печальну и в лице изменну, и в черном одеянии. Рече ей король: „Королевна, дочь моя, почто ты мои слова отеческия оставила и непослушна? Или вправду ты сие восприяла дурость, что меня не слушаеш, отца своего?“. Також и мать ее, королевнина, пришла. И король, отец ее, и мать, оба рекоша, что оставила свою печаль. Она же ничего не рекла, токмо жестоко пред ними плачет. Тогда король с великим гневом ополчился и велел с ней черное платье сымать и убирать в драгое королевское платье. Она ж не дала с себя снимать и легла на землю || и омертве, что никак не л. 29 об. можно снять. Тогда король бив ее многократно и велел вести в берлин во всем черном платье. Тогда пажи и лакеи, подхватя оную королевну и посадили в берлин. И с нею девиц и дам довольство отпустили до кирки в разных берлинах, а с нею в берлине только три девицы флерины честнаго лица и поехали к кирки и с королевною Ираклиею прекрасною. И как прилучилося королевне ехать принадлежащим путем к кирки в супружество адмиралу мимо той самой близости кельши, где он, российский матрос Василей, пребывал у богаделенной старушки, и как он увидел, что королевну везут, тогда взя ея любезную арфу, в которую она играла, нача на арфе громко играть мановет жалосной, яко и самому унывну от того быты. И королевна Ираклия услышав и велела остановитца и слушала и по том припозналась, что ее возлюбленной, российской матрос Василей, играет, и возрадовалась своим сердцем и послаша девицу. || И как девида отворя двери, он же ей рекл л. 30 скверно, от чего девка побежаша и королевне сказала. Королевна же не утерпя, сама из берлина выскочив, и побежала в келию, и усмотря российского матроза и узнав, кинулась на выю ево и рече: „О возлюбленный мой дражайший и радость сердцу моему, Василей Иванович, брат цесаря великого, ты или мне приведение тобою являетьца?“. И взя его за руку и веде с собою в берлин и рече ко всем пажам и лакеям возвратно ехать во дворец. И оные возвратя поехали во дворец и приехали во дворец. И король флоренский ис палаты выде. Она ж, королевна, из берлина выступя и взя российского матроза за руку и веде в полаты ко отцу рече: „Государь мой батюшко и государыня матушка, ныне моя приде ко мне вся моя радость и вся во мне стала сладость, свой драгии потерянный камень сыскала, тому

- радуюсь сердцем“. Тогда король, зря сие, быть в недоумении, мняше, что их дочь с печали || из ума иступила. И рече король к дочери своей: „Королевна, возлюбленная моя дочь, что сие восприяла, во уме ли своем ты?“. Она же рече: „Истинно, батюшко, во уме своем целом и совершенном. Поведаю, изволь выслушать“. И нача объявлять о шпионском адмиралу все подробно, что он, как она была в содержании у разбойников в пустом острове и как им, российским матрозом, и избавлена и в Цесарию привезена и в чести была, и како он, адмирал, ее нечестию увез и цесарских министров в море побрасал и ее к присяге пригонял с подобострастием. И король, слышав, зело убоися и недоумевахся. И в те поры на пристанищи учинилась пальба великая, приспел цесарь с великим приступом. И от пристани прибежал во дворец ко флоренскому королю генерал цесарской с листом, написанным от цесаря, которой прибежав и королю лист подае, в котором
- л. 37 писано от цесаря тако: || „Королю флоренский, поздравляю вам благополучно пребывать, а нашей прозбы не оставить. Послал к вам от своего войска цесарского и с ними своих министров и сего генерала, подавателя вам листа. Прошу показать к нам милость такую: которой от вас посланной адмирал искать вашей дщери возлюбленной Ираклии, которой приехав к нам честно, а изделал непорядочно. Дочь ваша сыскана была в мое цесарство от российского матроза, которого я возлюбил за ево поостоянство и назвав ево братом. А оной ваш присланной адмирал учинил шпионское, просил вашу дщерь, чтоб ее отпустить с ним к вам. И я того не учинил, а хотел отправить от себя особливо с честью. И для проводов ево, адмирала, по прозбе ево поехали к нему на корабли, и он, шпион, не по должности правящей учинил, всех [в море] моих министров и брата моего изгубил в море и вашу дочь бесчестно взя. Того ради прошу оногo своего адмирала, канальского
- л. 37 об. сына, душевредца, за оныя противности учинить кару || всенародную, посадить жива на спицу железную. А ежели того не учинишь, то встану своим войском и возбужу всех европейских королей и раззорю все твое королевство без остатку, и о том не прогневайся, за безумие вашего проклятаго адмирала. И тако остаюсь ваш во услуге“.
- Сия слышав, король флоренской зело убоися и рече к дочери своей: „О, любезная моя дочь, прекрасная королевна Ираклия, елико бо ты не изгубихом и чести б ты лиши“.
- Королевна рече: „О том я, государь батюшко, и сокрушахся безвременно, а вам, государю, за клятвою не смела объявить“. Тогда цесарь послал к кирки 40 человек драбантов вооруженных и приказал стать на карауле, а ему же объявлять. А генерал цесарской познал российского матроза, зело порадовался и рече: „Государь наш, здравствуй“. И все генералы и министры быша радостны о здравии его. И приказа король флоренской столб зделать
- л. 32 каменной || вельми высокой и на нем спицу железную преостру учинить. И послал в кирку по адмирала и велел вести во всем убранстве, как убран был к веселию, и к тому столбу ево приведоша. Тогда он не знаше, что чинить будут. Тогда королевна Ираклия вельми убралась в дорогое цветное платье, и российской матроз Василей убрался ж в королевское платье и вышла к кирки, а адмирал увидел и рече: „Пора, королевна, убратца“. Тогда она рече: „Вот, тебе уготовано, каналия, сей столб за твое проклятое поступление“. Тогда адмирал увидел российского матроза и убоился. И король флоренской велел объявление в народ прочесть. И как прочли, и шпикулятор взя ево за руку и взведе на столп и посадил во всем убранстве на спицу. И после той кары вси возвратишася во дворец. И король вельми был радощен

и нарекл российского матроза зятем и за тем убором учинил супружество, дочь свою || прекрасную королеву, выдал за российского матроза л. 32 об. Василея и нарек ево вместо себя королем флоренским. И как российский матроз Василей совокупися браком с королевною, тогда великое было веселие и пития всякого довольно. И тех цесарских генерала и министров и всех цесарских приезжих великою честью почтиша и дарами драгими обдарих и с честью возвратно к цесарю отпустил. И послал великой подарок к цесарю и писал лист о здравии и о своем пребывании с великим благодарением. И после того начала с веселием и с любовью великою пребывал во флоренском королевстве, и вси ево почитали за старшаго короля. И тесть ево конец житию восприя, по нем наста он, российский матроз, полным королем — Василий, король флоренской. И по погребеню тестя своего, короля флоренскаго, ездил сам в Цесарию для поклонения || брату своему названному и оттудова л. 33 возвратися во флоренское королевство и нача королевствовать. И приживе с прекрасною королевною Ираклию два сына. И пребывал в королевстве флоренском пятьдесят три года, и был ко всем подданным своим благочестив и милосерд. И вси ево прославили великою честью. И поживе оные годы в королевстве и преставися. А всего его житея от рождения, а именно: в матрозы записался двенадцати лет, на караблях служил шесть лет, в Галандии пребывал семь лет, во острове у разбойников два года, в Цесарии год, на королевстве пятьдесят три года, и всего житея его от рождения было восемьдесят один год. Дозде конец истории российского матроза Василия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ СПИСКОВ ПОВЕСТИ

„ГИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМ МАТРОСЕ ВАСИЛИИ КИРИАЦКОМ
И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНЕ ИРАКЛИИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ“¹

I. Государственный Исторический музей, собрание И. Е. Забелина, № 187 (229), 4^о, лл. 1—98 (лл. 31—32 и 97—98 чистые), водяной знак бумаги 60—70-х годов XVIII в. Состав: 1) История о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли (лл. 1—30); 2) История о французском князе Петре-Златых Ключей и о неополитанской королеве Магилене (лл. 33—96 об.).

Начало: „В российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоани по малой фамилии Кариотской“ (л. 2).

Окончание: „И поживе многия лета и с прекрасною королевною Ираклию и потом скончался“ (л. 30).

II. Государственный Исторический музей, № 1283, 4^о, лл. 1—323, водяной знак бумаги второй четверти XVIII в. Состав: 1) Повесть о Францеле Венециане (лл. 1—125 об.); 2) История об Александре российском дворянине (лл. 126—190); 3) История об Арзасе и Размире (лл. 191—208); 4) История об Ипполите и Жулии (лл. 209—260); 5) История о шляхетском сыне (лл. 261—283); 6) Повесть о Василии королевиче Златовласом (лл. 284—299); 7) История о российском матросе Василии Кириатском (лл. 300—323).

Начало: „В российских Европиях некоторый живяше дворянин по малой фамилии Кириатский“ (л. 300).

Окончание: „И поживе многия лета и с прекрасною королевною Ираклию и потом скончался“ (л. 323).

¹ За указание списков „Истории“ о матросе Василии ГИМ, № 1283; ГИМ, собрание А. С. Щукина, № 254; ГБЛ, № 1258 приношу благодарность М. О. Скрипилю. За указание списка Калининского областного музея, № 852(б) приношу благодарность П. Н. Беркову и за содействие в ознакомлении с рукописью И. Ф. Голубеву.

III. Государственный Исторический музей, собрание А. С. Щукина, № 254, 4°, лл. 1—15 об., водяной знак второй половины XVIII в. „Гистория о российском матросе Василии Кириатском, како ходил на кораблях и в других государствах и как он от острова морского от разбойников утек и с собою прекрасную девицу королеву Ираклию флоренскую от них избавил и себе в жену поияв“.

Начало: „В российских Европиях дворянин некоторый живяше“ (л. 1).

Окончание: „И по приезде, пожив лета давна, удостоен королем и быв благополучно скончався“ (л. 15 об.).

IV. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XV. 110, 4°, лл. 1—37, водяной знак 60-х годов XVIII в. На внутренней стороне обложки много записей разными почерками с именами читателей и владельцев сборника. Одна запись написана тем же почерком, что и две повести сборника. Можно прочесть дату „... 1764 года“. Состав: 1) История о российском матросе Василии Кириатском, как он ходил на кораблях и в других Европиях, и как от острова морского, от разбойников утек и с собою прекрасную девицу королеву Ираклию флоренскую от них избавил и поиял себе в жену“ (лл. 1—20); 2) История о некоем короле Брунцвике и о храбрости его, како он ходил во отоцех морских со зверем лвом (лл. 20—37).

Начало: „В российских Европиях дворянин некоторый живяша, небольшое имение имяше, ему же имя Иван по малой фамилии Кириацкой“ (л. 1).

Окончание: „И поживе довольно лета во благоразумии и до всех подданных милостив и приставился со своею королевною Ираклиною и тако походу и их конец“ (л. 20). Текста арии нет.

V. Библиотека Академии Наук СССР, 32.2.13 (рукопись ранее принадлежала А. А. Шахматову), 4°, лл. 1—64, вторая половина XVIII в. Рукопись неполная: в начале недостает трех тетрадей, в середине и в конце вырвано несколько листов. Состав: 1) Повесть о семи мудрецах (лл. 1—40); 2) История о славном рыцаре и кавалере французском королевства имене Лифара и о прекрасной княгине Маргариде (лл. 41—56); 3) Гистория о российском матросе Василии Кириацком и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли (лл. 56—64).

Начало: „Старый атаман все глаза растерял“ (л. 56).

Окончание: „Нача жалобно играть и петь арию“ (л. 64).

VI. Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 1258, 4°, лл. 1—16 об., конец XVIII в.

Начало: „По некоторых прошедших днях прибыли в Голандию матрозы и с ними Василей“ (л. 1).

Окончание: „И по тому отписанному листу публично онаго своего адмирала при всем десарском войске казнили, жива на кол посадили“ (л. 16 об.).

VII. Калининский областной исторический архив, собрание рукописных книг, № 852 (6), 4°, лл. 2—64, середина XVIII в. Сохранилась старая обложка, на которой имеются три записи: „История о российском матросе Василии Кириацком“, „Сказание о Брунцвике“ и „...Алексаандре и Лодвиге“. Первоначально весь сборник, очевидно, состоял из трех повестей. Из них сохранилась первая и часть последней. В конце последней страницы второй повести имеется дата: „... 1748“, написанная тем же почерком, что и повесть о Василии Кириацком.

Начало: „В российских Европиях дворянин некоторый живяше, небольшое имение стяжаше, ему же имя Иоани, по малой фамилии Кириацкой“ (л. 2).

Окончание: „Дожде конец истории российского матроза Василия“ (л. 33). Текста арии нет.